

Она не может сдаться, даже зная, что проиграет

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ОТ АВТОРА

КИРА УАЙТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Миры после

Кира Уайт

Противостояние

«Автор»

2023

Уайт К.

Противостояние / К. Уайт — «Автор», 2023 — (Миры после)

ISBN 978-5-532-91512-1

От прежнего мира ничего не осталось, а тот, кто был мне бесконечно дорог, находится за чертой человеческого понимания. И мне придется переступить эту черту, чтобы вернуть его и отомстить лжецу, предавшему мое доверие.

ISBN 978-5-532-91512-1

© Уайт К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	13
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Глава девятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кира Уайт

Противостояние

Глава первая

Проснувшись, Джорджия еще какое-то время лежит в полутьме и, медленно моргая, смотрит в пространство прямо перед собой. Так она избавляется от остатков сна, подробностей которого уже не помнит. Но судя по мокрым дорожкам на щеках, ей снова снился Джаред. Это происходит довольно часто, и каждый раз Джо снова переживает события той проклятой ночи. Тело старшего брата, распростертое на столе хирурга, вскрытая грудная клетка и кровь... повсюду кровь. Эти воспоминания Джо считает худшими в своей жизни, и ничто не сравнится с ними. Даже тот факт, что ее грубо вырвали из родного мира и притащили в этот – чужой и ужасный.

Девушка медленно стирает слезы, подносит запястье к глазам и смотрит на часы. Каким-то чудом они все еще продолжают работать несмотря на то, что их хозяйка переместилась на бесконечно далекое расстояние от дома. Света, проникающего из коридора, оказывается достаточно, чтобы определить – скоро рассвет. И хотя он почти не отличается от того, каким Джорджия привыкла видеть это явление дома, она в любом случае была бы рада посмотреть на чересчур яркое и горячее солнце этого мира. Но пока ей не суждено этого сделать.

Девушка садится и свешивает ноги с кровати, безошибочно попадая ступнями в ботинки. Надо привести себя в порядок до тех пор, пока она еще одна. Но Джо и не думает двинуться с места, давая себе еще минуту. Сейчас девушка как никогда остро чувствует одиночество. И место, куда она попала несколько недель назад, является тому причиной лишь отчасти. Все началось намного раньше. А если точнее, чуть больше трех лет назад. До этого жизнь Джо была легкой, наполненной счастьем и уверенностью в том, что так будет всегда. К ее большому разочарованию, все оказалось по-другому.

Сначала братья рассорились в пух и прах из-за какой-то девки, не способной отличить черное от белого. А через полгода отец ушел из семьи. Просто собрал вещи и переехал в другую страну, где встретил женщину, чем-то оказавшуюся лучше той, с которой прожил почти тридцать лет.

А когда три года спустя появилась аномалия, Джорджия Купер, вероятно, стала единственной, кто был этому рад. У нее появилась возможность собрать воедино хотя бы часть семьи. Но...

Джо встряхивает головой, наконец, поднимается с постели и отправляется в угол комнаты, где расположена встроенная в стену раковина. Умывшись холодной водой, Джо окончательно прогоняет из головы горькие мысли. Что толку думать о том, чего никогда не случится? Отец неизвестно где и жив ли вообще. Джорджия лишь надеется, что с ним все в порядке, как и с мамой, и с Джексоном. Но это она узнает лишь в одном случае. Если когда-нибудь вернется. А Джаред... Джо тяжело вздыхает при новой порции воспоминаний о той ужасной ночи.

Услышав шаги в коридоре, Джорджия, как обычно, проходит к кровати, садится на край и в самой дальней части от двери и в ожидании смотрит на решетку. Через несколько секунд возле нее останавливается Оуэн, всегда сопровождающий Льюиса в лабораторию, что специально для них оборудовали местные, и обратно. А мгновение спустя Джо видит и самого Льюиса, который терпеливо ждет, когда конвоир откроет замок и впустит его в камеру.

Оуэн мельком смотрит на Джорджию, после чего отпирает дверь, дожидается, когда доктор Грант зайдет внутрь, запирает камеру и отправляется восвояси.

Льюис подходит к Джорджии и устало опускается на кровать рядом с ней. Девушка прижимается боком к Льюису, кладет голову ему на плечо и спрашивает:

– Как ты?

– Устал, – признается он и закрывает глаза.

Некоторое время в помещении сохраняется тишина, нарушаемая лишь их тихим дыханием. Джо покусывает губы, не решаясь задать волнующий ее вопрос. Но в конце концов все же перебарывает свою неуверенность.

– Есть новости?

Льюис медленно качает головой, касаясь при этом своей щекой лба девушки.

– Нет. – Подумав, мужчина добавляет: – Никаких изменений. Прибор по-прежнему сломан, а чтобы починить его, мне не хватает важных деталей. И, похоже, никто не в курсе, где их достать. Да и можно ли вообще сделать это.

Джо кивает, она ожидала услышать что-то подобное, но все равно испытывает досаду.

– Кеннет будет недоволен, – тихо произносит она.

Льюис утомленно вздыхает, невесело хмыкает и сообщает:

– Я вообще ни разу не видел его в благодушном настроении.

Джо снова кивает. Так и есть. Кеннет Стрендж никогда не выглядит удовлетворенным.

– А что насчет Картера? – осторожно спрашивает она, поднимая голову.

Льюис поворачивается к девушке, ласково заправляет ей за ухо длинную светлую прядь. При таком освещении говорить об эмоциях сложно, но Джо кажется, что она видит печаль в его глазах.

– Картер сдержит слово только в том случае, если мы выполним то, ради чего нас сюда доставили.

Джо это известно, но существует множество обстоятельств, препятствующих достижению их цели. И никакой вины ни Льюиса, ни Джорджии в этом нет. А Кеннет в свою очередь требует еженедельных отчетов, но каждый раз испытывает только раздражение, когда ему говорят не то, что он хотел бы услышать.

Джо сердито выдыхает и смотрит на Льюиса.

– И что будем делать?

Он легко пожимает плечами.

– Работать. Других вариантов все равно нет.

Девушка пару раз кивает, но ничего не успевает ответить. От решетки до них доносится бодрый жизнерадостный голос:

– Доброе утро!

Джо и Льюис обращают все внимание на пришедшего. За разговором ни один из них не услышал шагов.

– Пора? – спрашивает Джорджия, даже не подумав поприветствовать Ники в ответ.

Этот парень до крайности раздражает ее своим нескончаемым позитивом.

– Да, идем. Мы достали то, что ты просила, – сообщает Николас и гремит ключами, отпирая дверь камеры.

Джо поднимается с кровати, но Льюис перехватывает ее руку и коротко пожимает ладонь, оказывая молчаливую поддержку. Девушка улыбается ему и шагает на выход. Когда Ники закрывает замок, Джо оборачивается и смотрит на Льюиса, оставшегося на кровати. Когда она вернется, он скорее всего будет спать. Если Оуэн не уведет его раньше. В таком случае они смогут ненадолго пересечься в лаборатории.

Какое-то время Джо и Ники молча шагают по длинному коридору с множеством камер, идентичных той, где живут Джорджия и Льюис. В данный момент все они пусты.

– Эй, Джорджия? – нарушает молчание Ники.

Джо вздыхает. Она не имеет ни малейшего желания разговаривать, но также девушка прекрасно знает, что просто так он не отстанет.

– Чего тебе? – не скрывая недружелюбия, бурчит она.

Ники фыркает, ни капли не расстроившись от такой реакции.

– Почему ты такая бука? – весело спрашивает он, на что получает испепеляющий взгляд.

– Меня похитили и утащили в другой мир через сверхъестественный портал, – язвительно отвечает Джо. – Такой ответ тебя устроит?

– Вполне, – с неизменной улыбкой произносит Николас. – Но я хотел спросить не об этом.

– Чего тебе? – повторяет Джо.

– Эмили в курсе, что ее отец крутит шашни с тобой?

Щеки девушки мгновенно вспыхивают. Не от смущения, от негодования. Колкий ответ срывается с языка сам собой.

– А Эмили была в курсе, что вы собираетесь исчезнуть, прихватив с собой ее отца?

Ники перестает улыбаться и качает головой.

– Твоя взяла.

Дальнейший путь они преодолевают молча, думая каждый о своем.

Джо размышляет о том, как бы отреагировала Эмили, если бы узнала, что у ее отца появилась девушка, которая ненамного старше его дочери. В голове проносятся совершенно разные реакции от молчаливого негодования до криков и проклятий, но Джорджия даже вообразить не может, что Эмили сказала бы в реальности. Саму ее не смущает разница в возрасте в четырнадцать лет, но кто знает, как отреагировали бы другие. Даже Ники, похоже, их осуждает. Но на его мнение Джо наплевать. А вот реакция ее родных и Эмили имеет гораздо большее значение.

Ники тоже размышляет о девушке, с которой успел подружиться за тот короткий срок, что они были в чужом мире. Скорее всего Эмили возненавидела их всех за то, что они сделали. Вот только он этого никогда не узнает. Но, как бы то ни было, Ники надеется, что с Эмили все в порядке, и тех сведений, что Картер предоставил военным из ее мира, будет достаточно для спасения человечества.

Глава вторая

Пробуждение выходит неожиданным и резким. Сажусь, в панике хватая ртом воздух. Перед глазами до сих пор стоит столб света, поглощающий папу, а за ним и всех, кто мне дорог. Мама, Бриттани, Джонатан, мои однокурсники и друзья – все они летят в непроглядную бездну, а я застыла, не в силах двинуться с места, нахожусь всего в метре и ничем не могу помочь. Кричу от бессилия и наблюдаю, как Картер толкает их одного за другим, каждый раз безразлично глядя мне в глаза. А потом исчезает сам.

Этот сон преследует меня уже на протяжении двух месяцев, и я не знаю, как избавиться от него.

– Эмили, дыши!

Четкий приказ, звучащий не только в моей голове, возвращает в действительность. Понимаю, что с силой сжимаю пальцы, хватаясь за обнаженные руки Мэйсона. Упираюсь лбом в его ключицу, тяжело вдыхаю и выдыхаю, приводя мысли в порядок.

Все хорошо. Это всего лишь сон.

Дыхание нормализуется, но спокойствие так и не приходит. Ничего не хорошо и уже не будет, сколько бы я не обманывала себя.

– Порядок? – спрашивает Мэйсон, все еще крепко прижимая меня к себе.

– Да, – хриплю я, с трудом отстраняюсь и стираю капельки холодного пота с висков. Смотрю в зеленые глаза, что наполнены беспокойством, и чувствую только вину и ничего больше. – Прости, что разбудила.

– Ничего страшного, – мягко произносит он, протягивает руку и запроляет прядь волос мне за ухо. – Принести тебе воды?

Качаю головой и окончательно выпутываюсь из мягких, но в то же время крепких объятий.

– Сама схожу.

Выскальзываю из постели и шагаю на кухню. Стараюсь не смотреть в сторону портала, чей голубоватый свет проникает сквозь окно, не закрытое жалюзи. Прошло несколько недель с тех пор, как столб света утратил свою ослепительную белизну и обрел новый оттенок. Но меня этот факт совершенно не заботит, ведь все мои мысли заняты другими вещами.

По шагам за спиной понимаю – Мэйсон идет за мной. Наливаю воду в стакан и поворачиваюсь к нему. Взгляд Мэйсона столь пронзителен, что я едва заставляю себя его выдержать.

– Эмили, – начинает он, а я уже знаю, что он скажет в следующую секунду, – давай уедем.

Не вопрос. Предложение, которое я слышу почти каждую ночь. Но уже по привычке качаю головой и даю тот же твердый ответ, что и всегда:

– Нет.

Мэйсон тихо вздыхает и пробует еще раз.

– Вдали от портала...

Взмахиваю рукой со стаканом, едва не расплескав воду.

– Нет, Мэйсон. Мне не перестанут сниться кошмары, даже если все порталы вмиг исчезнут. Кроме того, ты же знаешь, я не могу уехать.

– Я поговорю с Джексоном, – совершает он еще одну попытку, чтобы убедить меня.

– Пожалуйста, не надо. Пожалуйста...

Мэйсон складывает руки на груди, отчего его майка натягивается еще сильнее. Он отворачивается и смотрит в окно, а у меня сжимается сердце от боли, написанной на его красивом лице. Я не уеду, и он это знает. Но то, что Мэйсон не прекращает попыток меня уговорить, делает ситуацию только хуже. От этого я чувствую себя дрянью.

Все два месяца, что прошли с той роковой ночи, Мэйсон почти все время находится рядом и всячески поддерживает меня, хотя я этого совершенно не заслуживаю. Не после того, как угрожала ему пистолетом. Но Мэйсон даже не разозлился. Вот так просто он забыл все, что тогда произошло, лишь бы поддержать меня и помочь справиться с депрессией. Он был и остается единственным, кто всегда рядом.

За эти два месяца между нами изменилось многое и одновременно ничего. Мы стали ближе, но в то же время будто сделали шаг назад. Никаких поцелуев и других романтических проявлений не было ни разу, хотя иногда я ловлю на себе те взгляды Мэйсона, которые говорят громче слов. Но увы, дать ему большего не могу. А он, вероятно, терпеливо ожидает, когда я буду готова. А я сама не уверена, что это хоть когда-нибудь произойдет, ведь все мои мысли сосредоточены лишь на нескольких задачах, и отношениям там нет места. Но я безмерно благодарна Мэйсону за то, что он не бросил меня, когда никого другого рядом не осталось.

По распоряжению генерала, Бриттани увезли отсюда на следующий день после происшествия, я же целую неделю просидела под замком. И за эту неделю в какой-то степени смогла успокоиться и осознать некоторые вещи, но принять случившееся у меня так и не получилось.

Я поняла одну, на мой взгляд, самую важную деталь. Картер вовсе не убил моего отца. Ведь толкнуть его в столб света, а потом шагнуть следом, чтобы умереть самому, было бы невероятно глупым поступком, а Картер Стрендж вовсе не глуп.

Но от сделанного вывода ненавидеть пришельца меньше я не стала.

Зачем он забрал папу с собой? Ответ на этот вопрос я получила спустя неделю заточения. Помимо моего папы и прибора для закрытия портала, над которым он работал, пришельцы забрали все его чертежи и наработки. Вот что было в том кейсе, ради которого Картер выстрелил в лицо несчастному ученому, что пытался вернуть ценные бумаги.

В день, когда меня выпустили из заточения, я рассказала обо всем, что видела, генералу и всем военным, что собрались на совете. Ведь, по сути, мы с Мэйсоном были единственными свидетелями произошедшего. Военные, что отстреливали монстров и хакатури, даже не заметили, когда предатели покинули наш мир.

Тогда я выложила всё – факты, догадки и предположения. Я даже рассказала о том, что нужно для того, чтобы попасть на ту сторону и вернуть моего отца и Джорджию Купер. Но... но никто и не собирался бросаться им на помощь. Ни о каких спасательных отрядах не могло быть и речи. Генерал ясно дал понять, что у него и без того полно проблем.

Он даже приказал увезти меня, доставить к дяде, но я наотрез отказалась, закатив неимоверный скандал, который, вероятно, для собравшихся в палатке военных выглядел всего лишь как детская истерика. К моему удивлению, за меня вступился Джексон, сказав, что у него есть для меня работа. И я схватилась за представившийся шанс обеими руками, даже не дослушав его до конца. Хотя какая разница? Я бы в любом случае согласилась. Я не могу уехать. Вдруг папа вернется? Вероятность этого чрезвычайно ничтожна, но я все равно не перестаю надеяться. Ведь надежда – последнее, что у меня осталось.

Мэйсон наконец снова смотрит на меня, а я допиваю воду и ставлю стакан в раковину.

– Идем спать? – предлагает он.

Молча киваю и направляюсь в спальню, спиной ощущая его тяжелый взгляд.

После того как Бриттани улетела к своим родным, Мэйсон переселился в ее комнату. Каждую ночь он приходил, чтобы избавить меня от очередного кошмара, и в итоге оставался до утра. Но пару недель назад он просто пришел и лег спать вместе со мной. Я не стала возражать. Да и какой в этом смысл? С тех пор мы спим в одной постели.

Занимаю свою половину кровати, укрываюсь одеялом и закрываю глаза, прислушиваясь к размеренному дыханию Мэйсона. Он засыпает довольно быстро, а вот я не могу. В голове вновь всплывают воспоминания о том, как папа падает и исчезает за ослепительным белым

светом. Что с ним происходит в данный момент? Все ли в порядке? Сможем ли мы хоть когда-нибудь увидеться? Я бы многое отдала, чтобы оказаться рядом с ним хотя бы на минуту.

Медленно сажусь и осторожно, чтобы не разбудить Мэйсона, выбираюсь из постели. Все равно не смогу уснуть. Смотрю на часы. Почти пять утра. Для визитов еще слишком рано, но я не могу больше ждать. Нужно предпринять хотя бы попытку поговорить. Если не сделаю этого, ничего не изменится.

Подхватываю свои вещи и крадусь в ванную, где быстро переодеваюсь. Сразу после этого иду на выход из квартиры. Спускаюсь на первый этаж, покидаю здание и осматриваюсь. Улица пустынна. Наверняка где-то на стене есть военные патрули, но отсюда их не видно.

Чтобы не испытывать судьбу, быстро направляюсь в сторону соседнего дома и забегаю в подъезд. Поднимаюсь на второй этаж, подхожу к нужной мне двери и замираю напротив нее. Делаю глубокий вдох и медленный выдох, а сразу после стучу. Некоторое время жду в тишине, потом чуть настойчивее повторяю стук. Я точно знаю, что сегодняшней ночью он дома.

Проходит еще пара минут, прежде чем доносится звук отпираемого замка, а после дверь приоткрывается, являя передо мной сонного Джексона. Удивленно замираю, потому что капитан оказывается наполовину раздет. На нем только низко сидящие на бедрах спортивные штаны. Замечаю несколько небольших татуировок на груди и торсе и только после этого смотрю ему в глаза, слегка краснея, ведь он совершенно точно заметил, как я пялюсь.

– Что на этот раз? – угрюмо спрашивает Джексон, потирая глаза.

– Да все то же.

Капитан тяжело вздыхает, вижу, как напрягается его рука, держащая дверную ручку. Секунду мне кажется, что он просто захлопнет створку прямо у меня перед носом. Будь на его месте Джаред, то, уверена, так бы он и поступил. Но Джексон еще раз вздыхает, распахивает дверь пошире и отступает в сторону, безмолвно приглашая меня войти.

Захожу в квартиру и сразу же направляюсь в сторону гостиной. Я уже была здесь несколько раз, поэтому не трачу времени на разглядывание обстановки. Хотя в первый раз была несказанно удивлена, увидев на стене фотографии незнакомых людей. Как оказалось, это бывшие хозяева квартиры. Сейчас снимки оказались сняты и лежат на столике изображением вниз. Оборачиваюсь, когда замечаю, что Джексон отходит в спальню, но тут же возвращается, на ходу натягивая футболку.

– Четверть шестого, Эмили, – говорит он, останавливаясь напротив и подавляя зевок. – Это не могло подождать еще хотя бы пару часов?

Качаю головой, отступаю к окну и опираюсь бедром о подоконник.

– Если бы ты нормально разговаривал со мной прилюдно, то так бы я и поступила, но ты вечно занят раздачей приказов всем, в том числе и мне. Поэтому я и пришла...

– Снова. Ты пришла снова, Эмили. Но я сказал тебе еще в прошлый раз – я не поменяю решения.

Опускаю голову и смотрю себе под ноги.

– Два месяца прошло, Джексон, – с болью в голосе шепчу я.

– Знаю, – говорит он лишенным эмоций голосом.

Вскидываю на него взгляд и произношу так уверенно, как только могу, но голос все равно слегка дрожит.

– Я не могу смириться.

Лицо Джексона по-прежнему не выражает ничего, а тон становится жестким.

– Тебе придется.

Горько усмехаюсь. А я еще называла Джареда ледяной глыбой.

– Я не хочу! – заявляю я, ощущая себя капризным ребенком.

Зря я пришла. Уже сейчас понимаю, что зря. А судя по тому, с каким спокойствием он доносит до меня следующую мысль, осознаю, что у меня не было ни единого шанса.

– У тебя нет выбора. Ты должна перестать заикливаться на этом.

Меня окутывает отчаяние. Чувствую себя невероятно жалкой, но не бросаю бесполезные попытки и слегка повышаю голос.

– Не могу! Джексон, я не могу. Я... потеряла *все*...

Только произнеся это, тут же жалею о сказанном. Лицо Джексона каменеет, он сужает глаза. Это действует как холодный душ, смывающий с меня добрую половину эмоций.

– Ты потеряла? – обманчиво спокойно произносит он.

– Прости, – шепчу я, мысленно обзывая себя последними словами. – Сама не знаю, что несу. Там же твоя сестра, Джексон. Мы должны...

– Не должны! – отрезает он. – Мы понятия не имеем, что может ждать на той стороне.

– Как минимум нас там ждут те, кто нам дороги. Думаешь, Джо не хочет, чтобы ты пришел за ней? Думаешь...

Джексон вновь перебивает, сохраняя все то же жесткое выражение.

– Я понятия не имею, жива ли она вообще, Эмили! Два месяца – долгий срок.

Изумленно смотрю на него, выискивая хотя бы крошечный проблеск эмоций в голубых глазах. Но там пусто.

– Поверить не могу, что ты это сказал, – шепчу я, сокрушенно качая головой.

Джексон отворачивается, устало проводит ладонью по лицу, после снова смотрит на меня.

– Ладно. Давай на минуту представим, что я согласился. Что ты предлагаешь?

На секунду теряюсь, но тут же беру себя в руки, не желая показывать свою неуверенность.

Если у меня есть хоть доля шанса, чтобы убедить Купера, я ею воспользуюсь.

– Нам нужны люди...

– Нет у нас людей! – резко перебивает он. – Генерал ни за что не одобрит этого.

Стискиваю зубы, мысленно проклиная генерала и все те аргументы, которые он когда-то мне привел.

– Ладно! – выкрикиваю я и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Нам нужно оружие и сердца хакатури, чтобы оказаться на той стороне.

Джексон качает головой.

– И все? Так просто? А ты не подумала, что по ту сторону портала может быть в разы опаснее, чем здесь? Пришельцы могут ждать нас и убрать как раздражающий фактор. Или нас встретит армия тварей, от которых мы будем не в силах спастись. Или еще что-то, о чем мы не имеем ни малейшего понятия.

– Это всего лишь предположения, – цежу сквозь плотно стиснутые зубы.

Я думала об этом, но мне кажется маловероятным, что нас там кто-то поджидает, особенно спустя столько времени.

– Хорошо, – слишком легко соглашается Джексон, а это толькостораживает меня. – Представим, что на той стороне нас не ждет никакая опасность. Но это другой мир, Эмили. Что мы будем там делать? В каком направлении искать наших родных? Мы понятия не имеем. – Он делает паузу, и я открываю рот, чтобы сказать хоть что-нибудь, но Джексон взмахивает рукой, останавливая меня. – Я еще не закончил. И даже предположим, что ни с того ни с сего случится чудо, нас никто не убьет, нам удастся найти и забрать Джо и доктора Гранта, что мы будем делать дальше? Вернемся? А будет ли куда возвращаться? И будут ли нам здесь рады после того, как мы, по сути, дезертируем? У меня есть обязательства, Эмили. От того как я выполню свою работу, зависит, сможем ли мы удержать город и не дать случиться непоправимому. Посмотри в окно. Что ты там видишь?

Оборачиваюсь, хотя и так знаю, что там.

– Портал, – сухо говорю я, ощущая невероятную усталость.

– Верно, – спокойно произносит Джексон, когда я снова смотрю на него. – И он больше не белый. Ты знаешь, что произойдет, если он все-таки сменит цвет на синий. Мы не можем бросить родной мир даже ради тех, кто нам бесконечно дорог. Не сейчас.

Я понимаю, он говорит это специально, но это его "не сейчас" все равно пробуждает во мне надежду. Он не сказал "никогда".

Ненавижу себя, но не могу не задать следующий вопрос.

– Как думаешь, они живы? – произнеся это, опускаю веки, чтобы прогнать непрошенные слезы.

Тихий ответ следует незамедлительно.

– Надеюсь, что да.

Открываю глаза, отрываюсь от подоконника, преодолеваю разделяющее нас расстояние и упираюсь лбом в грудь Джексона.

– Прости, – шепчу я, испытывая подлинное раскаяние. – Прости за все. За резкие слова, за то, что не перестаю доставать тебя. Но ты единственный, кто может понять меня.

– И я понимаю, – говорит Джексон, приобнимая меня за плечи. С минуту мы так и стоим, а потом Джексон говорит, смягчая тон: – Жизнь на этом не закончилась, Эмили. Думаешь, твоему отцу было бы по душе то, что ты стоишь на одном месте? Наверняка он бы не хотел, чтобы ты подвергала себя лишней опасности. И пусть настали те времена, когда опасность можно встретить где угодно, мы должны выбрать борьбу.

– Я уже выбрала, – признаюсь я, отстраняюсь и делаю шаг назад. – Ты знаешь это как никто другой.

Джексон мимолетно улыбается.

– Знаю. Поэтому мы закончим этот разговор, ты отправишься домой и ляжешь спать. А через несколько часов мы встретимся, ведь у нас полно работы.

Киваю. На сегодня я сдаюсь. Так было в прошлый раз и в тот, что был до него. Но я более чем уверена, рано или поздно я снова приду к нему.

Джексон провожает меня до двери, выхожу из его квартиры я направляюсь к себе. В голове крутится произошедший разговор. Дело не сдвинулось ни на миллиметр. И вероятнее всего так и останется. Я зря трачу время. Возможно, пора действовать по-другому. Но как?

За размышлениями не замечаю, как возвращаюсь домой. Мэйсон спит в той же позе, в которой я его оставила. Тихо переодеваюсь и проскальзываю под одеяло только ради того, чтобы он не задавал вопросов, когда проснется. Мэйсон ложится на бок, обнимает и притягивает меня к себе, согревая теплом тела. А я так и продолжаю лежать с открытыми глазами и витать мыслями далеко отсюда.

Глава третья

Спустя пару часов Мэйсон застаёт меня за приготовлением завтрака.

– Выспалась? – спрашивает он, заходя на кухню.

Поворачиваюсь к нему и с легкой улыбкой киваю.

– Ага, – ложь легко срывается с губ, но я все равно испытываю неловкость, поэтому отворачиваюсь и заканчиваю намазывать тосты джемом.

После возвращения от Джексона мне так и не удалось заснуть, но время, что я пролежала в постели, глядя перед собой, не было потрачено впустую. Я еще раз проанализировала то, что сказал Купер, и приняла взвешенное решение. Если он не может действовать, потому что не хочет стать дезертиром, то мне это не грозит. Я не одна из военных.

Да, скорее всего я погибну там, но больше не могу сидеть сложа руки и ждать, когда кто-то отправится спасать близкого для меня человека. Этот момент может никогда не наступить.

Готова ли я действовать в одиночку? Вообще нет. Даже несмотря на то, что все два месяца, не считая недели заточения, я вместе со всеми продолжала тренироваться. Моя программа изменилась и стала жестче, что, конечно же, не сделало из меня ниндзя, но тратить годы, чтобы подготовиться лучше, я не могу. Возможно, у нас нет и нескольких месяцев, не то что лет.

Но и броситься в портал сломя голову я тоже не могу. Нужна подготовка и несколько вещей, которых у меня пока нет.

– У тебя сегодня тренировка после обеда? – спрашивает Мэйсон, вырывая меня из мыслей, когда мы в уже привычной тишине заканчиваем завтрак.

– Да, – подтверждаю негромко и смотрю на часы. – Или позже. Джексон ждет меня через полчаса, чтобы отправиться в город.

Мэйсон поджимает губы, но безмолвно кивает. Тихо вздыхаю, мне прекрасно известно его отношение к тому, чем я занимаюсь по просьбе Купера, но это было единственным условием, которое позволило мне остаться. Поэтому, нравится это кому-то или нет, бросать я не собираюсь.

Покончив с завтраком, отправляюсь в спальню, где быстро переодеваюсь в черные джинсы, темно-синюю футболку с короткими рукавами и обуваю ботинки, которые Джексон выдал мне для вылазок за стену. Остальную экипировку я получу в палатке капитана, там она всегда и хранится. Направляюсь к выходу из квартиры, где меня уже ждет Мэйсон, подхватываем с тумбочки респираторы и молча покидаем наше жилище. Косо смотрю на лейтенанта, отмечаю, что он выглядит угрюмо. В последнее время улыбчивый Мэйсон куда-то исчез, его заменил хмурый парень, из которого и слова не вытянешь.

– Что не так? – спрашиваю я, не в силах больше терпеть.

Мэйсон открывает подъездную дверь, пропуская меня вперед, и с легким удивлением смотрит мне в глаза.

– О чем ты?

– Ты знаешь, о чем, – серьезно сообщаю я, не собираясь отступить. – В последнее время у меня вечно такое ощущение, будто ты хочешь что-то сказать. Но не говоришь.

Он тяжело вздыхает и отводит взгляд, уставившись себе под ноги.

– Я все сказал еще тогда. Тебе здесь не место, Эмили. И от того, что ты чуть ли не каждый день рискуешь своей жизнью, чтобы что-то доказать Джексону и генералу Доусону, ничего не изменится. Генерал не даст тебе отряд. Ты заблуждаешься, если думаешь иначе.

О, я прекрасно уяснила это.

– Почему ты на меня злишься? – осторожно спрашиваю я.

– Я не злюсь, – резким тоном отвечает Мэйсон.

Непроизвольно вздрагиваю, ведь подобным образом он со мной никогда не разговаривал.
– Ты злишься, Мэйсон, – спокойно говорю я.

Он поворачивается, встречаясь со мной испытующим взглядом.

– Я хочу, чтобы ты уехала и оказалась в более безопасном месте. Только и всего.

Киваю и говорю, тщательно подбирая слова:

– Я благодарна тебе за заботу. Правда. Но несмотря на то, что мы практически все время находимся вместе... мы не пара, Мэйсон. Да даже если бы и были, ты не можешь решать такое за меня. Это мой выбор. И я никуда не уеду. Не могу. Кроме того, у меня есть определенные обязательства.

И в ближайшее время я собираюсь плюнуть на них, но Мэйсон узнает об этом только по факту произошедшего и не от меня.

– Перед тобой нет никаких обязательств, – возражает он.

Вздыхаю. Не знаю, что еще сказать. Переубедить его? Зачем? Он уже сделал определенные выводы. Мэйсон тоже не продолжает разговор, поэтому до палаток мы доходим, думая каждый о своем.

На подходе к лабораториям замечаю небывалое оживление и хмурюсь. Явно что-то произошло, иначе здесь не было бы такого скопления народа. Выискиваю в толпе знакомые лица и вскоре замечаю сержанта Одли.

– Брендан? – окликаю я и взмахиваю рукой, чтобы привлечь его внимание.

Он отделяется от группы военных и направляется в нашу сторону. Замечаю, как из палатки Джексона выходят несколько ученых, облаченных в белые халаты, и практически бегом бросаются в соседнюю.

– Привет, – здоровается чуть запыхавшийся Брендан.

Мэйсон опережает меня с вопросом на долю секунды.

– Что происходит?

Брендан вздыхает и качает головой.

– Мы потеряли часть Европы, – сообщает он, будто сам не в силах поверить в свои слова.

Ошарашенно смотрю на него, потому что смысл сказанного доходит до меня далеко не сразу. Что значит потеряли? И кто это – мы?

– Что ты имеешь в виду? – все же уточняю я, испытывая нереальную сухость в горле.

Брендан со всей серьезностью смотрит сначала на Мэйсона, потом на меня.

– Портал, находящийся в центре Европы, взорвался вчера ночью.

Прикладываю ладони к вискам, будто собираюсь уложить в голове услышанное. Началось. Произошло ровно то, о чем предупреждал Картер.

– Есть какие-то сведения о том, что там происходит сейчас? – спрашивает Мэйсон.

Мельком смотрю на него. Лейтенант выглядит собранным, будто готовится прямо сейчас отправиться на задание, если получит его.

– Капитану Куперу доставили отснятые там материалы. Все плохо.

Потрясенно качаю головой, до сих пор не в силах осознать, что все *это* происходит на самом деле.

– Спасибо, Брендан, – благодарю я сержанта и решительным шагом направляюсь к Джексону.

Мне не надо оглядываться, чтобы убедиться – Мэйсон идет за мной. В палатке оказывается более многолюдно, чем когда-либо на моей памяти. А также внутри выключен свет. Единственное, что освещает пространство, – это большой белый экран, установленный у одной из стен. На него направлен луч проектора. Замираю прямо на входе, не в силах отвести потрясенный взгляд от кадров, что мелькают на полотне, медленно сменяя друг друга. Звуча нет, скорее всего съемка велась с небольшой высоты с помощью квадрокоптера.

Я никогда не была в Европе, но в любом случае ни за что не узнала бы те улицы и здания, что вижу сейчас. Полнейшая разруха. Практически все строения, за редким исключением, превратились в руины. Некоторые каким-то чудом до сих пор стоят, покосившись или почти завалившись. Другие разрушены до основания, будто по ним ударили гигантской кувалдой, отчего они рассыпались по камешкам. Зелени нет. Вообще никакой. Ни деревьев, ни травы. Сплошная пыль и серость. Точно так же нет и ничего живого. Единственное, что выбивается из серой массы – окровавленные останки. Замечаю разбросанные куски тел, такое ощущение, будто их разорвало на части.

Вспоминаю первый день после того, как появились световые аномалии. Тогда мы с папой смотрели похожую съемку, вот только сейчас никто не удосужился замазать то, что осталось от людей и монстров.

Около десяти минут стоим в тишине, никто из собравшихся не разговаривает и никак не комментирует увиденное, а оно не становится позитивнее. В какой-то момент в кадр попадает портал, но я не сразу понимаю, что это он. Столб света стал тусклее и превратился в легкую полупрозрачную дымку, сквозь которую можно с легкостью рассмотреть то, что находится по другую сторону от него.

Вновь вспоминаю, что рассказывал Картер. Если он не соврал, то именно через такой портал в их мир пришли самки хакатури. Произойдет ли это в нашем мире? Остается только гадать. А я лишь надеюсь, что те сведения, которые я дала генералу, уже дошли до всех военных и тех, кто ведет борьбу за наш мир.

После того как съемка прерывается, кто-то включает в палатке свет и отключает проектор. В это же мгновение встречаюсь взглядом с Джексонем, и уже в который раз вспоминаю наш утренний разговор. Он был абсолютно прав. Джексон – один из тех людей, которые должны предотвратить катастрофу и не дать случиться здесь тому, что мы только что видели на экране. Капитан Купер не может уйти. А моя решимость становится только сильнее.

Джексон отворачивается от меня, переводя внимание на своих людей и вдумчиво сообщает:

– Вы все видели. Европейская сторона вовремя не среагировала на полученные от пришельцев сведения, и вот к чему это привело. Мы не можем позволить себе расслабиться, иначе нас ждет вот это. – Купер взмахивает рукой в сторону выключенного экрана, после чего приказывает: – За работу!

Через минуту в палатке не остается никого, кроме меня, Мэйсона и Джексона. Подхожу к столу капитана, останавливаюсь напротив и спрашиваю:

– Каков план?

– План прежний. Отправляемся за стену прямо сейчас. И скорее всего завтра придется повторить вылазку. Я поговорю с генералом, но уверен, он прикажет выходить каждый день до тех пор, пока угроза не будет устранена.

Джексон прав, генерал Доусон обязательно скажет что-нибудь подобное, а, возможно, придумает еще что-нибудь.

– Поняла. Дай мне жилет.

Джексон склоняется к одной из коробок и достает оттуда легкий бронежилет, сделанный специально для меня из защитной брони, снятой с монстров. Также вскоре сюда привезут маски из того же материала, капитан уже распорядился, чтобы их изготовили не только для военных, но и для меня.

Легко надеваю броню поверх футболки, застегиваю крепления на боку, ощущая, как материал плотно прилегает к телу, но не давит. После, накидываю кожаную куртку, которую мне также протягивает Джексон.

Как бы я не ненавидела чертовых предателей, что похитили моего отца и Джорджию, надо признать, что они дали нам много полезной информации. И создание вот такой защиты, секретом которого Картер поделился с военными, является лишь частью полученных знаний.

Джексон выдает мне ножны с настоящей катаной, что доставили сюда на вертолете несколько недель назад, и кобуру с пистолетом. Последнюю цепляю на пояс, а ремешок ножен перекидываю через шею и поправляю на груди. Меч при этом удобно располагается за спиной.

Закончив бесхитростную подготовку, покидаем палатку и отправляемся к стене, где нас уже ждет отряд. Мэйсон, которого Джексон никогда не берет с нами за пределы периметра по известной только этим двоим причине, коротко прощается со мной, как всегда, поцеловав на прощание в щеку, и уходит выполнять поручение капитана.

Пока идем до нужного места, я все время думаю об увиденном на экране. И тут до меня вдруг доходит одна вещь. Смотрю на своего задумчивого попутчика и все же решаюсь позвать его.

– Джексон?

Он в ту же секунду поворачивается и выжидательно смотрит мне в глаза.

– Что?

В нерешительности задерживаю дыхание, вглядываясь в его лицо. Капитан не выглядит опечаленным или скорбящим. С другой стороны, я ни разу не видела у него подобного проявления эмоций. Ни после смерти Джарета, ни после исчезновения Джорджии. А мы проводим вместе довольно много времени.

Отбросив сомнения, все же нерешительно произношу:

– Твой отец... он ведь в Европе?

Джексон удивленно приподнимает брови.

– Откуда ты об этом знаешь?

Мэйсон говорил мне, что глава семейства Купер уехал на какую-то конференцию в Швейцарию еще до того, как миру пришел конец. Но я почему-то не решаюсь сказать правду, выбрав, как мне кажется, более безопасный путь. Тем более Джексон не сможет проверить правдивость моих слов. Не сейчас точно.

– Мне Джорджия сказала.

Кажется, Джексон удивляется еще сильнее прежнего.

– Странно, – бормочет он.

Настороженно смотрю на него. Что в этом странного?

– Что странно? – озвучиваю вопрос.

– Джо не любит говорить об отце после того, как он ушел от мамы.

Несколько раз моргаю, не зная, что сказать на это. Такие подробности мне были неизвестны.

– Этого она мне не говорила, – осторожно сообщаю я.

Купер кивает и отворачивается, глядя в сторону ожидающего нас отряда, ведь мы почти подошли к стене.

– В любом случае, Швейцария, где живет отец, не попала под взрывную волну. Но я уже несколько месяцев не могу наладить с ним связь, поэтому понятия не имею, что с ним.

Киваю, хотя не уверена, видел ли это Джексон. Что сказать, я не знаю, поэтому до стены дохожу молча. Нас встречает тринадцать человек в полном обмундировании и при оружии, среди них Брендан и Скотт. Трое военных расположились возле подъемника, на который составили тяжелые деревянные ящики, их надо поднять на высоту четвертого этажа, а потом спустить по ту сторону преграды. Уже привычным маршрутом направляюсь к пожарной машине, стоящей у одного из подъездов. Через распахнутую дверь дома, как всегда, вижу монолитную стену из бетона. Пока военные о чем-то переговариваются, скорее всего обсуждая предстоящую вылазку, я забираюсь на лестницу, вытянутую до окна четвертого этажа, и поднимаюсь

в квартиру. Мебель сдвинули к стенам, чтобы не мешалась на пути, повсюду бетонная пыль и грязные следы от ботинок.

Выхожу из квартиры, чтобы перейти в ту, что расположена напротив, здесь картина не лучше, чем в первой. Дожидаюсь отряд. Мужчины перетаскивают ящики с подъемника на точно такое же приспособление, установленное здесь. Джексон сбрасывает из окна веревочную лестницу, которую намертво закрепили вокруг одной из бетонных колонн, установленных в центре комнаты. Сначала спускаются несколько военных, потом следует моя очередь.

Оказавшись на земле, по привычке оглядываю местность. Мы находимся под защитой аномалии, на ее территорию могут проникнуть только самые сильные твари, поэтому масштабы разрухи не столь явные, как за пределами границы. Смотрю направо, водители уже подогнали тяжелую и самую проходимую технику, которую каждую ночь вынуждены прятать и маскировать, ведь твари, или сидящие в них демоны, оказались не так просты. Они с остервенением набрасываются на любые средства передвижения, уничтожая их и лишая нас некоторых козырей.

Рассаживаемся по машинам и отправляемся к границе аномалии. Ощущаю уже привычное волнение, его я испытываю каждый раз, когда оказываюсь за пределами защитных стен. Несмотря на то, что такие вылазки происходят только днем при свете солнца, несколько раз на нас выскакивали крупные монстры, но всех их удалось уничтожить в два счета, потому что в светлое время суток они становятся чрезвычайно заторможенными. Но, вероятно, их инстинкты затмевают способность рационально мыслить, когда они чувствуют меня.

В этом-то и заключается моя нехитрая задача – приманивать монстров. Помню, в какой ступор впал Мэйсон, когда мы с Джексоном сообщили ему, что я буду выходить за защищенный периметр и добровольно проливать кровь ради общего дела. Тогда он предложил Куперу вместо меня взять несколько пробирок с кровью, но Джексон тут же отменил этот вариант. Как оказалось, подобный разговор состоялся в тот самый день, когда я играла роль приманки впервые. Перед тем как позвать меня в палатку к Джареду и попросить об этой услуге, папа предложил то же самое Картеру, собравшемуся устроить мастер-класс для военных. Но пришелец сообщил, что монстры гораздо лучше реагируют на свежую и все еще горячую кровь, ведь вместе с ней они чувствуют и эмоции предполагаемой жертвы. Кровь из пробирки их не привлекает.

Но реакция Мэйсона – ничто, по сравнению с тем, как воспринял новости дядя Майк. Он пришел в ярость, когда узнал, на что я согласилась, лишь бы остаться здесь. И мне едва удалось уговорить его не забирать меня в тот же день. Но что-то подсказывает, что долго это не продлится, я уже слышала разговоры о том, что сюда собираются отправить несколько женщин-военных. По-моему, очевидно, что они заменят меня, и тогда ничего не мешает дяде доставить единственную оставшуюся у него родственницу в безопасное место. А значит, придется приводить план в действие как можно скорее. Все необходимое я могу достать внутри периметра, за исключением одного. Мне нужно сердце хакатури, чтобы зайти в портал. Понятия не имею, что будет, если я сунусь туда без него, но проверять никакого желания не имею.

Когда несколько недель назад я спросила у Джексона, спрашивали ли военные у пришельцев, как они планируют возвращаться домой и планируют ли вообще, он ответил, что такой разговор произошел на второй день после появления Картера и его людей. Купер нашел тому подтверждение, когда просматривал отчеты Джареда, которые обнаружил в одной из коробок в его палатке.

Картер ответил что-то типа – в данный момент это невозможно.

Ну еще бы. В то время они не накопили нужное количество сведений, не втерлись к нам в доверие и не собрали достаточно "проходных билетов". С шумом выдыхаю, пытаюсь избавиться от гнева, он овладевает мной всякий раз, когда я вспоминаю чертовых пришельцев, которых чуть ли не стала считать друзьями.

– Эмили? – вырывает меня из мыслей Джексон. – Приехали.

Киваю и покидаю автомобиль, разглядывая масштабы катастрофы. Справа все разрушено до основания, и монстры здесь совершенно ни при чем. А вот слева... там нам и предстоит работать.

– Готова? – спрашивает Брендан, останавливаясь рядом, и тоже смотрит на разруху.

– Да, – отвечаю, мельком глядя на него.

Я и правда готова. За эти два месяца я смирилась с той ролью, что мне отвели. Но так или иначе, скоро всему этому придет конец. И только мне решать, что делать, когда наступит это время.

Глава четвертая

Внимательно глядя под ноги, чтобы не запнуться и не растянуться на том, что еще недавно представляло собой дорогу, перешагиваю через обломки. Они остались от стены ближайшего здания и разрозненными кучками валяются прямо на нашем пути, а мы стараемся держаться на равном расстоянии от зданий, примерно посередине дороги. На пару секунд притормаживаю и смотрю на образовавшийся проем. Кто-то огромный снес кирпичную преграду, так словно она была сделана из картона. По рукам пробегают мурашки, но успокаивает то, что через дыру я не вижу в здании никакого движения. Да и сержант Пратт, отвечающий за работу коптеров, молча шагает впереди. Значит, здесь все чисто и понадобится не так много зарядов.

Дело продвигается довольно медленно. За последние четыре часа мы не прошли и десяти кварталов, ведь приходится постоянно останавливаться и проверять каждое здание. Коптеры с тепловыми датчиками и датчиками движения постоянно при деле. Мне остается только отходить от здания к зданию и проливать кровь из небольшого надреза на тыльной стороне запястья. Мэйсон всегда недоволен поджимает губы, когда видит повязки у меня на руках, но я молча сношу его недовольство, ведь иного выбора у меня нет. Я здесь для того, чтобы провоцировать монстров, а без свежей крови этого не сделаешь.

Пока медленно продвигаемся по проложенному Джексоном маршруту, наблюдаю, как военные занимаются закладыванием зарядов. Там, где не скрываются монстры, их требуется меньше, а где от дневного света прячутся те, кто с удовольствием сожрали бы нас и не подавились, взрывчатки нужно гораздо больше. Чтобы наверняка.

– Вижу движение справа, – доносится приглушенный маской голос кого-то из военных. – Шестой этаж.

Все мгновенно останавливаются и приводят оружие в боевую готовность. Я тоже достаю меч одним легким движением. Вряд ли он мне пригодится, но перестраховаться не помешает. Поднимаю голову и оглядываю указанное здание, ничего не вижу. В темных окнах не шевелятся даже занавески, но техника на то и создана, чтобы разглядеть то, что не под силу человеческого глазу.

Отхожу чуть дальше от середины дороги, чувствую, как под подошвами ботинок что-то хрустит, но даже не думаю посмотреть, что это. Так и стою, запрокинув голову и затаив дыхание.

– Что там, сержант? – наконец спрашивает Джексон, который неизменно находится рядом со мной.

Не слышу даже скрытого напряжения в его голосе, хотя и расслабленным его не назовешь.

– Похоже, лёжка, – будничным тоном сообщает Пратт. – Камера коптера показывает, что окна в квартире затонированы, но тепловые датчики засекли движение. Тварь там не одна.

Задерживаю дыхание, прислушиваясь к своим ощущениям. Еще пару месяцев назад я с трудом подавила бы желание броситься прочь, но не сейчас. Легкое волнение, вот что я испытываю. А еще напряжение и настороженность. Нужно быть начеку. За то время, что мне приходится совершать опасные вылазки, я уже свыклась с мыслью о постоянной опасности. Конечно, я не перестала бояться, но в конце концов после долгих размышлений мне удалось убедить себя в том, что бессмысленно трястись от страха все время. Тем более днем твари редко показываются из своих укрытий. При свете солнца здесь не более опасно, чем под защитой стен ночью.

Покрепче перехватываю меч и перевожу внимание на Джексона, который раздумывает над словами сержанта чуть меньше десяти секунд, затем поворачивается к Скотту.

– Устанавливайте заряды, – распоряжается он и серьезно добавляет, – только тихо. – После этого смотрит на меня. – Эмили, иди к Брендану, обработайте и перевяжите рану. Мы проверим дом напротив и на сегодня этого будет достаточно.

– Хорошо, – согласно киваю я и отхожу куда сказано.

Брендан уже устанавливает походную аптечку на раскуроченное колесо валяющейся на боку груды металла, что когда-то была красной спортивной машиной. Впрочем, я могу и ошибаться, ведь вид у автомобиля, мягко говоря, не очень.

Впервые за все время, что прошло с тех пор, как я добровольно сделала надрез несколько часов назад, смотрю на окровавленную руку. До этого я не глядя соскребала ногтем подсыхающую корочку, чтобы пустить кровь еще раз. В данный момент она больше не сочится, но даже в таком состоянии ее запах будоражит тварей. Брендан быстро, но аккуратно стирает красные потеки, после чего обрабатывает, обеззараживает рану и заклеивает ее пластырем. На чистой коже проступают следы, оставшиеся от подобных надрезов. Некоторые превратились в тонкие белые полоски, другие все еще розовеют, третьи только начали заживать. Мои руки испещрены такими шрамами, но это малая плата за то, чтобы быть там, где мне нужно. И меня мало заботит то, как реагирует на это Мэйсон, а также то, что скажет дядя, когда увидит, во что превратилась когда-то ровная, едва тронутая загаром кожа.

Пока Брендан молча занимается царапиной, я наблюдаю за тем, как военные расходятся в разные стороны. Они обходят здание и устанавливают на каждой стене такие мощные заряды, которые, сработав, оставят груды обломков, что похоронят под собой всех, кто нашел там убежище. А те здания, где никого нет, просто рухнут, чтобы никогда не стать местом временного пристанища для монстров.

Брендан заканчивает и отходит помочь остальным с установкой взрывчатки. Прислоняюсь боком к тому, что осталось от машины, и наблюдаю за действиями военных. Моя работа на сегодня окончена.

Джексон внимательно наблюдает за действиями своих людей, оставаясь при этом настороже. А сержант Прайт переключается на противоположный дом, направляя десяток тихо жужжащих беспилотников проверить есть ли там кто живой.

Все происходит мгновенно. Вот над разрушенным городом висит тишина, нарушаемая только свистом ветра в разбитых окнах на нижних этажах зданий, негромкими разговорами военных, да жужжанием дронов, а в следующую секунду до ушей доносится оглушительный треск и звон разбивающегося стекла. Резко поворачиваюсь на звук и вскидываю голову. Чувствую, как сердце пропускает удар, а следом еще один, лоб мгновенно покрывается испариной, а ноги едва не подкашиваются. Не знаю каким чудом мне удастся не свалиться без памяти от накатившего ужаса.

Понятия не имею, из того самого окна или из какого-то другого сопровождаемая осколками стекла, обломками рамы и стены по направлению земли летит огромная тварь. Вернее, она падает прямо на меня.

Откуда-то издалека до слуха долетают крики, но я не разбираю слов. И даже не пытаюсь отвести замороженного взгляда от надвигающейся опасности, как и сдвинуться с места. Ноги настолько тяжелые, что поднять их я не имею никаких сил.

А в следующую секунду до меня с особой ясностью доходит тот факт, что сейчас я умру. Умру вот так, даже не попытавшись отправиться за папой. Он так и останется там, куда его забрали пришельцы. А дядя Майк потеряет последнего родного на этом свете человека.

Стискиваю зубы с такой силой, что болят челюсти. Я не могу этого допустить. Я не сдамся без борьбы. Пусть это будет лишь ничтожная попытка оказать сопротивление противнику, который в несколько раз сильнее меня, но она будет.

Слышу звуки стрельбы, что оказываются до странного тихими. Или это грохот пульса в ушах затмевает все вокруг? Вижу, как от брони монстра отскакивают пули.

"Надо метить в голову", – мелькает мысль, которая прямо сейчас кажется невероятно глупой и бесполезной.

За жалкий миг до того, как монстр обрушивается на меня, поднимаю руку, в которой все еще зажат меч. Я не целюсь, в этом нет ни малейшего смысла. У меня нет никакого опыта в сражении с подобным соперником, и я заранее обречена на поражение. Я это знаю, окружающие меня военные это знают, возможно, даже демон, сидящий внутри монстра, знает об этом.

Время будто замедляется, а в следующую секунду меня сносит с места, и я лечу, глядя в жуткую синеву глаз твари, что раскрывает клыкастую пасть, явно собираясь впиться острыми зубами мне прямо в лицо, и ее не остановит то, что на мне защитная маска. Полет, кажется, длится целую вечность, а потом совершенно внезапно заканчивается. Из меня выбивает весь дух, удар такой сильный, что спину обжигает огнем. Если бы могла, то закричала бы, но я только бессильно открываю рот, но не слышу ни звука. Перед глазами темнеет, и я отключаюсь до того, как монстр вцепится в меня зубами.

С трудом поднимаю веки, когда кто-то бьет меня по щекам. Безуспешно пытаюсь отмахнуться, но рука еле поднимается. Замечаю обеспокоенное лицо Джексона и окончательно прихожу в себя.

– Тебя тоже убили? – глухим шепотом задаю первый пришедший на ум идиотский вопрос.

Джексон пару раз моргает, затем отрицательно качает головой.

– Никого не убили, – отвечает он максимально серьезным тоном.

С трудом киваю и протягиваю ему руку.

– Помогите, – прошу все тем же шепотом, а когда вижу сомнение, промелькнувшее на лице капитана, хмурюсь. – В чем дело?

В голове мелькают сотни отвратительных образов того, во что превратилось мое тело под натиском монстра, но, к удивлению, у меня вообще ничего не болит.

Джексон наконец принимает протянутую ладонь и осторожно тянет на себя. Забываю обо всем, о чем думала до этого. В глазах темнеет от боли, и я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. Закусываю изнутри нижнюю губу и тут же чувствую привкус крови на языке.

– Эмили? – обеспокоенный голос Джексона врывается в помутившееся сознание.

Встряхиваю головой и хриплю, не узнавая собственный голос.

– Порядок.

– Какой к черту порядок?! – сердито восклицает Купер. – Почему ты не побежала? Тварь могла убить тебя, а мы толком ничего не сделали, чтобы не попасть по тебе.

– Не ори, – прошу я, когда зрение наконец возвращается. – Ты же знаешь, я бы не успела сбежать. Что произошло?

Только сейчас оглядываюсь по сторонам, замечая лежащего неподалеку монстра, из груди которого ровно в том месте, где должно находиться сердце, торчит мой меч. Изумленно распахиваю глаза и с трудом поднимаюсь на ноги, игнорируя просьбы Джексона повременить. На нетвердых ногах подхожу к поверженной твари. Меч вошел точно в стык между защитных пластин.

– Ого, – только и говорю я, потому что ни на что другое у меня не хватает фантазии.

– Тебе невероятно повезло, – сообщает остановившийся рядом Джексон.

Киваю, потому что полностью согласна с его словами. Чтобы попасть в стык пластин и пронзить сердце твари, нужны бесконечные тренировки. Ники много рассказывал нам про это в то время, когда учил держать в руках меч и использовать его так, чтобы не покалечиться.

Ненадолго прикрываю глаза и подавляю горькую усмешку при воспоминаниях о Ники. Я стараюсь не думать ни о нем, ни о Картере, ни об остальных членах его отряда. Они для меня враги. Точка.

Вновь смотрю на убитого мною монстра. Он не такой большой, каким показался в первый момент, но все равно габаритами превышает человека. А еще внутри него есть то, что мне нужно больше всего на свете, я честно убила тварь, значит, и сердце демона, что сидел внутри,

принадлежит мне. Вот только я не смогу его взять. Вряд ли Джексон позволит. Стискиваю зубы от досады. И что делать?

– Как ты себя чувствуешь? – прерывает мои мрачные мысли Купер.

Осторожно пытаюсь размяться, спина отзывается болью, но она больше не такая ослепительная, как несколько минут назад, а еще у меня болит плечо. Опускаю голову и с удивлением обнаруживаю кровоточащие царапины, вероятно, оставленные когтями твари.

– Терпимо, – отзываюсь я, переводя внимание на Джексона.

Он поджимает губы, не скрывая недовольства.

– Сержант Одли? – зовет капитан, не отрывая от меня взгляда.

Брендан оказывается рядом в мгновение ока, словно только и делал, что ждал, когда его позовут. Он тут же берется за обработку царапин, но я стараюсь не обращать на это внимания. Лицо Джексона становится жестким, а это не сулит мне ничего хорошего. Плохое предчувствие поднимается в груди, чтобы противным комом осесть в горле.

– Джексон? – зову я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Он смотрит внимательно, его глаза полны решимости, что мне абсолютно не нравится. Так он смотрит в те моменты, когда что-то задумал, и спорить с ним бесполезно. За эти два месяца я убедилась в этом на собственном опыте. И не один раз. Сейчас я должна выяснить, в чем дело. Но нужно действовать аккуратно и не бросаться в омут с головой. – Я в порядке, правда. От пары царапин и синяков еще никто не умирал. Через пару недель все пройдет. А отправиться за стену я буду готова уже завтра.

– Нет, – жестко отрезает он. – Не будешь. Ты чуть не умерла, Эмили. Скорее всего сейчас ты просто в шоке и не осознаешь всей серьезности ситуации.

Качаю головой и пробую еще раз более мягко. Мне нужно время. Совсем немного времени. Если он не будет брать меня с собой за стену, то генерал Доусон мигом отошлет меня прочь.

– Джексон, ты ведь помнишь, что я сама согласилась работать с тобой? Думаешь, я не осознавала всех рисков? Осознавала. И сейчас осознаю. Но я не отказываюсь от своих слов. Я продолжу помогать вам.

Купер усмехается, на секунду отворачивается, потирает ладонью подбородок, после чего вновь смотрит мне прямо в глаза. Его взгляд открыт, поэтому я понимаю, что прямо сейчас услышу то, что мне не понравится. То, что он решил, не удосужившись спросить моего мнения.

– Нет, Эмили, с нами ты больше работать не будешь, – Джексон рубит словами. – Через два дня сюда прилетит полковник Грант, чтобы забрать тебя и доставить в более безопасное место.

Сглатываю горький ком, но он не желает исчезать, отчего становится только горше. Кажется, впервые в жизни я не рада скорой встрече с дядей.

Отворачиваюсь от капитана, смотрю на Брендана, который в этот момент завязывает повязку на моей руке. Когда дело сделано, отхожу от них и без всякого отвращения или страха забираюсь на распростертую на земле тушу, она оказывается твердой, благодаря защитным пластинам. Берусь за рукоятку меча и тяну его на себя. Острое лезвие легко выскальзывает из раны. Спрыгиваю на землю и едва не скриплю зубами, когда тело пронзает боль. Обтираю меч о незащищенные части монстра и смотрю на замерших Брендана и Джексона, что внимательно наблюдают за мной.

– И давно ты знаешь, что дядя прилетает? – спрашиваю, неотрывно глядя в холодные голубые глаза капитана.

– Неделю, – спокойно отвечает он.

Горько усмехаюсь и отворачиваюсь, остальной отряд разделился на две части. Половина продолжает устанавливать заряды, оставшиеся следят за периметром, но больше ни один монстр не решается высунуться из укрытия, хотя здесь все провоняло моей кровью.

Внимание привлекает шум мотора, и я оборачиваюсь на звук. В нашу сторону, объезжая всякий хлам, а иногда просто тараня его, едет бронированная машина со здоровенными колесами.

– Вы вызвали подмогу? – спрашиваю я, возвращая внимание на стоящих передо мной военных и специально не обращаясь к Джексону напрямую.

Тем не менее отвечает мне именно он:

– Это не за нами.

– Не за нами? – переспрашиваю удивленно.

– Нет. – Джексон указывает на труп монстра. – За ним.

– Зачем? – тем же тоном интересуюсь я.

Купер многозначительно приподнимает брови, и мне все становится понятно.

– А куда его повезут?

– В морг, – просто отвечает он и отходит, чтобы поговорить с водителем.

– В морг? – спрашиваю у Брендана.

Он кивает и протягивает мой респиратор, который то ли просто слетел, то ли его сняли, чтобы привести меня в чувство. Я не уточняю.

– Туда доставляют всех убитых тварей, – поясняет сержант, – снимают с них броню и тому подобное, а потом сжигают, чтобы не подкармливать оставшихся за стеной.

Невольно задерживаю дыхание. *Тому подобное.* Надеюсь, это именно то, о чем я подумала. Иначе моя задача сильно усложняется. У меня осталось слишком мало времени. Если я не успею сделать задуманное сегодня, в крайнем случае завтра, то не сделаю уже никогда.

Глава пятая

После возвращения из-за стены Джексон первым делом потащил меня в палатку медперсонала. Там меня тщательно осмотрели, ощупали спину, шею и голову, поставили несколько уколов, нанесли швы на поврежденную когтями монстра руку, после чего наложили новую повязку, запретили какие-либо физические нагрузки и прописали постельный режим хотя бы на пару дней. Сурового вида доктор в квадратных очках с тонкой золотой оправой в приказном тоне велел мне явиться к нему через сутки, после чего выставил за порог.

Естественно, ни о какой тренировке и речи быть не могло, поэтому Джексон самолично проводил меня домой, строго посмотрел в глаза и распорядился, чтобы я выполняла предписания врача. Я только отмахнулась. Конечно, Купера я заверила, что начну соблюдать постельный режим прямо сейчас, но на деле не собиралась делать ничего подобного.

Оставшись одна, для начала решаю принять душ, а уже потом подумать, каким образом следует поступить. Пока мы добирались из города до стены, у меня было время, чтобы придумать маломальский план, но он все еще требует более детальной проработки. Чтобы не намочить повязку, обматываю ее найденной в шкафчике на кухне пищевой пленкой. Но, прежде чем отправиться в ванную, заглядываю в спальню, извлекаю из недр шкафа свой старый рюкзак, со дна которого достаю смартфон и зарядное устройство. Поставив телефон на зарядку, со спокойной душой иду в душ.

Если я хочу отправиться за папой, мне придется действовать уже сегодня, наплевав на слова доктора. Я не могу позволить себе валяться без дела, даже если от этого зависит мое здоровье. Сейчас есть дела поважнее.

После душа переодеваюсь и возвращаюсь в спальню, где включаю смартфон и некоторое время жду, когда загрузятся все программы. Открываю приложение с картами города, на экране тут же появляется надпись: "Отсутствует подключение к интернету". Смахиваю ее в сторону и нажимаю на строку поиска, в которой набираю единственное слово – морг. Про себя радуюсь тому, что мне повезло оказаться в родном городе, офлайн карта которого всегда была загружена в моем телефоне. Так как без интернета геолокация не работает, я вручную нахожу место, где сейчас живу. В периметре аномалии находится всего один морг, и я не скрываю победной улыбки. Теперь я по крайней мере знаю, в какую сторону следует направиться.

Вскидываю голову, когда слышу, как захлопнулась входная дверь. На мгновение прикрываю глаза. Мэйсон. Я совсем про него забыла. Быстро отключаю телефон от зарядки и прячу его в верхний ящик прикроватной тумбочки, а в следующую секунду Мэйсон уже стоит на пороге спальни. На его лице написано беспокойство, а взгляд блуждает по моему телу, подмечая новые раны, царапины и синяки. Мэйсон поджимает губы и смотрит мне в глаза.

– Я в порядке, – опережая его, повторяю то, что уже не раз говорила сегодня.

– Хейворд рассказал мне о том, что произошло, – сердито произносит он.

– Хейворд? – удивленно переспрашиваю я. – Его ведь там не было.

– Может, поговорил с Джексоном, или еще с кем-то, – пожав плечами, сообщает Мэйсон и медленно шагает в мою сторону.

Останавливается в шаге, с нежностью обхватывает мое лицо ладонями и неотрывно смотрит в глаза. Замираю на месте, не в силах терпеть боль, явственно читающуюся в его глазах. Сердце щемит оттого, что я не заслуживаю тех чувств, которые он испытывает ко мне. Почему он их испытывает, мне неизвестно, но заводить разговор на эту тему я не собираюсь. Как минимум, это будет неловко.

– Эмили, ты должна уехать отсюда, – говорит он очень серьезно. – Хватит подвергать себя риску, это того не стоит.

Все так же неотрывно смотрю на него и тихо спрашиваю:

– Ты знал, что дядя прилетит за мной?

Мэйсон вздыхает, и мне сразу все становится понятно.

– Знал.

Поднимаю руки, убираю его ладони от своего лица и отступаю на шаг, упираясь ногами в тумбочку.

– Почему не рассказал?

Мэйсон роняет руки и отводит взгляд.

– Я думал, у меня получится убедить тебя уехать со мной до того, как все обернется таким образом.

Киваю. Он и правда чуть ли не каждый день уговаривал меня убраться отсюда подальше, но я была непреклонна. Не удивлюсь, если это он связался с дядей и...

Нет. Мэйсон не мог так поступить. Я уверена, что не мог.

– Ты останешься, или улетишь вместе со мной? – зачем-то спрашиваю я, ощущая себя дрянью.

Если все пройдет по плану, мне вообще не придется никуда лететь, но Мэйсону об этом знать незачем.

– А ты хочешь, чтобы я полетел? – интересуется он, и ему не удается скрыть горечь и недоверие в голосе.

Зачем я вообще завела этот разговор? Если отвечу утвердительно, то дам Мэйсону ложную надежду, а я этого не хочу. Он не заслуживает того, чтобы его вводили в заблуждение. Но и ответить отрицательно я тоже не могу. Не знаю, что из этого хуже.

– Если ты этого хочешь, – наконец произношу я.

По его тихому вздоху догадываюсь, что Мэйсон хотел услышать совсем не это.

– Сегодня у меня ночное патрулирование, – внезапно меняет тему он. – Но я могу поговорить с Джексонем и перенести его на завтра, чтобы не оставлять тебя одну.

Медленно моргаю, а в голове безостановочно крутятся шестеренки. Это невероятное везение. Второе за день, и я просто не могу упустить шанс.

– Все нормально, – говорю я, стараясь, чтобы от волнения не дрожал голос. – Доктор прописал мне постельный режим, поэтому я выпью снотворное, которое он мне дал, и лягу спать пораньше. Скорее всего просплю до утра, так что тебе необязательно караулить меня.

Мэйсон несколько секунд испытующе вглядывается мне в лицо, после чего неторопливо кивает.

– Ладно. А пока ложись. Принести тебе что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Мэйсон выходит из спальни, а я ложусь на кровать, пытаюсь улечься так, чтобы ничего не болело. Ощущаю обречение оттого, что время утекает впустую. Хотя, с другой стороны, посреди дня у меня вряд ли получилось бы незаметно сделать хоть что-то. Зато будет время подумать.

Через пару минут Мэйсон возвращается с сумкой, полной оружия, садится в изножье кровати и принимается чистить его, иногда поглядывая в мою сторону. Так проходит пара часов, мой сосед разбирается с оружием, я продумываю план. За все это время мы едва ли обмениваемся десятком фраз. Мэйсон уходит примерно на двадцать минут, а возвращается с ужином, после которого удаляется в ночной патруль, а я выжидаю около десяти минут, так как на большее меня не хватает, и принимаюсь собираться.

Понятия не имею, что будет ждать меня по ту сторону портала и когда лучше всего туда отправиться. Точно не ночью, но и сделать это днем, оставшись при этом незамеченной, практически невыполнимая задача. Решаю, что лучше всего сделать это перед рассветом или примерно в это время.

Собираю рюкзак, ведь не знаю, успею ли вернуться за ним. Беру немного еды, воду и запасную одежду. Моя броня, меч и огнестрельное оружие хранятся в палатке Джексона. Туда решаю наведаться в последнюю очередь, ведь она находится в непосредственной близости от портала. Достая из шкафа тонкую кожаную куртку, она пойдет на замену той, что когтями разорвал напавший на меня монстр. Обуваюсь, подхватываю с комода в прихожей свой респиратор и покидаю квартиру. В коридоре оказывается пусто и тихо, поэтому я беспрепятственно спускаюсь на первый этаж и некоторое время медлю, прежде чем выйти. Но все же решившись, оказываюсь на улице, где почти никого нет. Но немногочисленные люди не обращают на меня никакого внимания, хотя я и опасаясь того, что кому-нибудь бросится в глаза рюкзак за моей спиной. Чтобы этого не случилось, захожу за дом и шагаю в нужную мне сторону по соседней улице, что оказывается пустынно. Если верить карте в моем смартфоне, морг находится в здании больницы у не так давно образовавшейся защитной стены, противоположной той, через которую мы отправляемся наружу.

Пока иду, стараясь не срываться на бег, ведь если меня кто-то увидит, это не вызовет ничего, кроме подозрений. До слуха доносятся редкие выстрелы. Это военные, находящиеся в патруле, стреляют либо по подобранным к стене монстрам, либо по покинувшим их тела летающим тварям.

У меня уходит около получаса на то, чтобы добраться до нужной улицы и еще примерно десять минут на поиск здания больницы. Это оказывается неприметное пятиэтажное строение, и оно никоим образом не выбивается из общей массы. Вокруг нет никаких ограждений, техники, военных или ученых, которых я по какой-то причине ожидала увидеть. Оглянувшись по сторонам и так никого и не заметив, решительным шагом направляюсь в сторону главного входа. Мельком посмотрев на стену, перед ней и расположена больница, замечаю подъемник, похожий на тот, на котором военные переправляют за преграду оружие и взрывчатку, когда мы отправляемся на вылазки в город. Только этот подъемник гораздо больше, а бурые потеки на нем подсказывают мне, для какой цели он используется. Переправление через стену мертвых тварей, чтобы потом доставить их в морг.

Отвожу взгляд, переводя его на вход в нужное мне здание. Преодолеваю последние метры, взбегаю по невысокой лестнице, прислушиваюсь, но не обнаруживаю ничего присутствия, поэтому смело толкаю широкие створки и захожу в полутемное помещение. Здание практически не освещено, поэтому я трачу около минуты на то, чтобы привыкнуть к полумраку. Только после этого направляюсь в сторону стойки администратора и изучаю информацию на большом стенде, находящемся прямо за ней. Там, помимо указания расписания рабочих часов медперсонала, имеется поэтажный список отделений больницы. Морг обнаруживается на цокольном этаже, что неудивительно. Следуя в указанную сторону, направляюсь в морг. Едва не прохожу мимо нужной лестницы из-за того, что в здании темно, а фонарик я пока включить не решаюсь.

Держась за стену, осторожно спускаюсь по ступеням, и только оказавшись на середине пролета, достаю и включаю фонарик. Дальше шагаю более уверенно и намного быстрее, чем до этого.

Внизу оказывается все так же безлюдно, но не менее темно и мрачно. Оглядываю небольшой закуток, заканчивающийся тяжелой стальной дверью с невзрачной табличкой с надписью "Морг". Останавливаюсь перед ней, ощущая странное волнение и пробегающий по спине холодок. Пока добиралась сюда, даже не думала ни о чем подобном, сейчас же, в шаге от цели, становится не по себе. Что ждет меня за этой дверью? Горы трупов? Боюсь ли я их? Нет. Мертвые не причинят мне вреда. Но волнение от этого меньше не становится.

Сделав глубокий вдох, решительно нажимаю на дверную ручку и толкаю тяжелую створку. Внутри оказывается не так темно, помещение залито синим светом, отчего выглядит

жутко, кроме того, жути нагоняет еще и то, что столы для аутопсии заполнены тушами монстров, от которых в воздухе витает сладковатый запах разложения.

На миг замираю на пороге, борясь с желанием заткнуть рот и нос, ведь к горлу уже поднимается тошнота от омерзительной вони, и даже респиратор не спасает. Да и не смогла бы их закрыть, все из-за того же респиратора. Утешает лишь то, что маска хоть как-то уменьшает силу стоящих тут *ароматов*.

Растерянно осматриваюсь. А потом еще раз оглядываю трупы, они все так же лежат, источая отвратительный смрад. Прихожу в движение и обхожу помещение по периметру, заглядывая во все ящики и коробки. В одной из них обнаруживаю защитные пластины, снятые с одной из тварей. А вот сердец нет нигде.

Только сейчас до меня доходит, что меня тут не ждут любезно кем-то вынутые из тел демонов кристаллы. Да что там, даже одного нет.

Вновь поворачиваюсь к трупам, медленно подхожу к первому попавшемуся. Это именно тот монстр, с которого безжалостно содрали защиту. Подступаю поближе, борясь с тошнотой, и освещаю раздувшееся тело, принадлежавшее когда-то человеку. Вижу следы от пуль в голове, значит, он мне не подходит. Обхожу труп и на всякий случай осматриваю его со всех сторон. Затем проделываю то же самое с оставшимися четырьмя монстрами, среди них обнаруживаю и того, которого убила сегодня днем. Кто-то снял с его грудной клетки левую пластину, оголив рану, которую оставил мой меч. И эта тварь оказывается единственной, которую убили таким способом, это может означать только одно – хакатури, захвативший тело, до сих пор находится внутри. Следовательно, и сердце тоже там. Про остальных я не могу сказать того же с подобной уверенностью, ведь когда монстр умирает, демон покидает его тело, если только не умер вместе со своим носителем. Выходит, у меня нет иного выхода, кроме как достать сердце самостоятельно.

От одной только мысли об этом мне становится дурно, и я отхожу прочь от вонючего трупа, упираюсь спиной в стену, едва не вскрикнув при этом от боли. Опускаюсь на пол и обхватываю руками колени, притягивая их к груди. Не знаю, сколько времени я сижу вот так, уговаривая себя встать и приниматься за дело. Ноги не слушаются, руки дрожат, а внутренности протестующе сжимаются.

Но у меня нет другого выбора. Если я хочу спасти папу, то должна это сделать. Если не сделаю, то мне не останется ничего иного, кроме как вернуться домой, собрать вещи и ждать, когда прилетит дядя Майк, чтобы забрать племянницу-неженку и спрятать в безопасном месте, а папа пусть сам решает свои проблемы.

Это придает мне сил, я поднимаюсь и на подрагивающих ногах отправляюсь искать необходимые инструменты, защитную одежду и специальную маску для аутопсии, чтобы не запачкать свой респиратор. Поверить в это не могу, но я на полном серьезе собираюсь вскрывать труп и копать во внутренностях. Омерзительно.

Спустя три часа, которые я помню довольно смутно, стою под холодными струями в душевой кабинке, что обнаружила в родильном отделении на втором этаже, и содрогаюсь всем телом. Внутри все болит после бесчисленного числа раз, которое меня выворачивало наизнанку, когда я бросалась к раковине в морге, в перерывах между тем пока занималась отвратительными вещами. В ушах все еще стоит свист пилы и треск ребер, а перед глазами – внутренности монстра, а потом и хакатури, которого я беспощадно искромсала самым большим ножом из найденных в помещении для аутопсии. Как итог, я добыла сердце, отмыла его в раковине и сбежала от истерзанного мною трупа, даже не потрудившись убраться за собой.

И вот теперь я безжалостно скребу тело ногтями, стараясь смыть с кожи и волос, кажется, навек въевшуюся в них мерзотную трупную вонь.

Простояв под ледяными струями воды и продрогнув до костей, я наконец закручиваю вентиль, и дрожа всем телом, вытираюсь и одеваюсь. Собираю мокрые волосы в хвост, чтобы

не мешались и поворачиваюсь к столику, на него я положила то, ради чего проделала столько того, чем не хотела бы заниматься никогда в жизни. Сердце, которое оказывается на удивление крупным и невероятно синим, кладу в передний карман джинсов. Подхватываю с пола рюкзак, выхожу из душа, покидаю родильное отделение и направляюсь к лестнице.

Жар приливает к голове, когда до меня доносятся приглушенные голоса с первого этажа. Нет. Только не это! Меня не могли заметить, иначе давно бы уже пришли, а это значит, что скорее всего эти люди пришли в морг, больше ведь в больнице делать нечего. Наверное. При любом раскладе пора уносить ноги, в противном случае меня могут обнаружить, и ничем хорошим это не закончится. А я не могу быть пойманной сейчас. Не после того, что мне пришлось проделать и вытерпеть.

Дожидаюсь, когда голоса удалятся в неизвестном направлении, и крадучись спускаюсь на первый этаж. Никого не заметив, быстрым шагом пересекаю холл и спешу на выход из здания. Перед ступенями, ведущими к главному входу, стоит припаркованный внедорожник. Вздыхаю с облегчением, когда не вижу военных ни внутри, ни поблизости. Уже не скрываясь и наплевав на то, что меня могут заметить со стены, бегом бросаюсь прочь от больницы и вскоре исчезаю за ближайшим зданием. Не замедляя шага, спешу в сторону аномалии, которая ярко освещает мой путь. Только приблизившись к палаточному городку, останавливаюсь, приваливаюсь боком к стене первого попавшегося здания и перевожу дух. Смотрю на часы. Рассвет совсем скоро, а значит я провозилась гораздо больше времени, чем мне показалось изначально. Нужно спешить.

Дожидаюсь, когда трое ученых неспешно перейдут из одной палатки в другую, уже спокойным шагом направляюсь в ту сторону, где хранятся оставшиеся необходимые мне вещи.

К моему облегчению, в палатке Джексона никого не оказывается, и я беспрепятственно подхожу к нужной коробке. Снимаю кожаную куртку, надеваю и креплю броню, после этого берусь за ремень с двумя кобурами. Коробки с патронами запикиваю в рюкзак. Надеваю куртку, после чего берусь за ножны с катаной. Удобно закрепляю ремешок, располагая меч за спиной. В горле пересыхает, и я с удивлением отмечаю, что у меня ускорило дыхание, а от волнения дрожат пальцы. Стискаю их в кулаки и стараюсь взять себя в руки. Неужели я и вправду собираюсь это сделать? Прыгнуть в портал, чтобы оказаться неизвестно где, но все равно ближе к самому родному для меня человеку, чем нахожусь сейчас? Да, так я и поступлю. Надеюсь лишь, что я не ошиблась в выводах и все получится. В противном случае, если проходной билет не сердце хакатури, а что-то другое, скорее всего я умру быстрее, чем рассчитывала.

Окидываю взглядом палатку Джексона, останавливаясь на столе, на котором царит почти идеальный порядок. Вижу бумагу и ручку, делаю шаг по направлению к столу и пишу крупными буквами, чтобы капитан наверняка обратил внимание: "Прости, я должна была это сделать. Я верну папу и Джорджию. Эмили".

После этого подхватываю рюкзак, но несу его в руках, потому что за спиной меч. Выхожу из палатки и хмурясь направляюсь в сторону портала, размышляя о том, нужно ли вообще было оставлять записку. Решаю, что да. Джексон заслуживает узнать о том, куда я вообще исчезла, от меня. Пусть и таким способом. На миг в мыслях всплывает обеспокоенное лицо Мэйсона. Возможно, нужно было написать и ему. Встряхиваю головой. Он не заслужил такого отношения, которое получал от меня в последнее... да всегда получал. Пусть лучше он возненавидит меня за то, что я сделаю.

Чувствую, как каждая мышца наполняется решимостью, даже плечи расправляются. Я поступаю правильно. Кроме меня, никто этого не сделает.

Прохожу мимо палаток и слегка притормаживаю на подходе к световому столбу, чтобы достать из кармана свой проходной билет.

– Эмили?!

Сердце испуганно ёкает, когда до меня долетает изумленный голос Мэйсона.

Резко оборачиваюсь и смотрю сначала на него, а затем на застывшего, словно статуя, Джексона. Они вышли из самой крайней палатки, но остановились, очевидно, из-за того, что увидели меня.

– Что ты делаешь? – сердито спрашивает Джексон, решительным шагом направляясь ко мне.

Мэйсон идет следом, не сводя с меня настороженного взгляда. А я тем временем пчусь к порталу, крепко сжимая в кулаке сердце хакатури.

– Не надо, Джексон, – твердым тоном прошу я, не переставая отступать. – Я уже все решила.

– Что ты решила? – грубым тоном требует он и сжимает руки в кулаки. – Ты же умрешь, как только коснешься портала.

– Не умру.

– Да откуда тебе это знать? – зло спрашивает он, повышая голос.

Поднимаю руку, перекаत्याю пальцами кристалл и показываю его военным, и они даже на некоторое время застывают на месте.

– Где ты его взяла? – интересуется Мэйсон.

Качаю головой. Лучше им не знать. Хотя рано или поздно им все равно доложат о том, что кто-то вломился в морг. Но я не скажу об этом ни слова.

– Не в портале, так за ним ты погибнешь, Эмили, – произносит Джексон, и я вижу, каких трудов ему стоит сохранять спокойствие в голосе.

– Значит так тому и быть, – спокойно говорю я.

В следующую секунду они одновременно бросаются ко мне, и у меня больше нет времени на раздумья или нерешительность, ведь разделяющее нас расстояние слишком мало.

В последний раз смотрю на взбешенные лица Джексона и Мэйсона, покрепче сжимаю в кулаке сердце, разворачиваюсь и шагаю прямо в портал.

Глава шестая

Льюис выпрямляет затекшую спину и поворачивается на звук открывающейся двери. Любопытно, кого это принесло в лабораторию, в которой гости довольно редкое явление. А сегодня они тут уже были совсем недавно, когда доставили объемный черный пластиковый пакет и запихнули его в холодильник.

Целые ночи за исключением коротких перерывов Льюис проводит в этом большом прохладном помещении, склонившись над столом, отчего плечи и поясница быстро деревенеют. Справа на широкой столешнице аккуратно разложены истрепанные листы с его чертежами и наработками, их Льюис сделал несколько месяцев назад, находясь в родном мире. А слева беспорядочной кучей свален прибор, который доктор Грант безуспешно пытается починить уже довольно продолжительное время. Может, месяц, а может, и больше. Он не знает, потому что все дни слились в один сплошной и бесконечный поток работы, но она не приносит никакого результата. Все материалы и запасные части, из которых можно извлечь важные для починки детали, что ему регулярно доставляют местные, по большей части оказываются бесполезным хламом.

Льюис устал. Невероятно устал оттого, что все его труды оказываются напрасны. Порой ему кажется, что все усилия, которые он проявляет, заранее обречены на провал. Но отказаться от их выполнения он тоже не может. Местный лидер не привык, что кто-то может пойти наперекор его приказам, это Льюис уяснил раз и навсегда еще при первой встрече с Кеннетом Стренджем. Кеннет привык, что все неукоснительно выполняют каждое его требование, поэтому Льюис никогда еще не видел его довольным, ведь еще ни разу он, ученый из другого мира, не принес местному главарю хороших новостей.

Поэтому сейчас, услышав звук открывающейся двери, Льюис поворачивается в ту сторону, ожидая увидеть Картера. Именно он всегда провожает доктора Гранта к своему старшему брату раз в несколько дней, но это оказывается не он. Первой в лабораторию заходит Джорджия, а сразу за ней с неизменной улыбкой на лице следует Николас.

Лицо Льюиса светлеет, когда он видит ту, которая вернула ему уверенность в том, что и он заслуживает счастья. После того как ушла жена, долгие годы Льюис был лишен этого чувства. Только работа и единственная дочь были способны развеять его плохое настроение. До появления в его жизни Джорджии. Он сам не понял, как между ними вспыхнули чувства, и долго сопротивлялся им, но Джо может быть убедительной. Ее никогда не волновала их разница в возрасте, хотя сам Льюис поначалу думал, что четырнадцать лет, которые их разделяют, – это вовсе не мало, но Джорджия только рассмеялась на его замечание. И в конце концов Льюис отбросил прочь сомнения и предрассудки, ведь в последние пару лет Джорджия была единственной, кто делал его живым. Возможно, впервые в жизни он поступил эгоистично, решив, что, если судьба дает ему второй шанс, чтобы быть счастливым, он не может им не воспользоваться.

Джо улыбается Льюису и проходит к своему рабочему месту, чтобы надеть халат и перчатки и установить ширму. Она все еще немного злится на Ники, потому что тот пришел за ней раньше обычного и потащил в лабораторию со словами, что им удалось изловить самку хакагури и не какую-нибудь мелочь, а взрослую особь. И пусть это вовсе не тот экземпляр, за которым ведется пока безрезультатная охота, но Джо все равно не терпит погрузиться в изучение той, в ком может крыться ключ к решению задачи, что поставил перед ней Кеннет Стрендж. Джорджия не теряет надежды найти решение, используя самую обычную самку, а не ту, изловить которую пока не удалось ни одному отряду. Но начинать работу ни свет ни заря она не имеет ни малейшего желания. Тем более при виде жизнерадостной физиономии Николаса. Как вообще можно выглядеть таким бодрым в пять утра?

Радует лишь одно – Джо проведет чуть больше времени с Льюисом. Конечно, при Ники и Оуэне, что всегда находятся поблизости, особенно не пообщаешься, но Джорджия рада просто быть рядом с Льюисом.

Джо переодевается и направляется к специальному холодильнику, какие бывают в моргах, чтобы вытащить доставленное недавно тело, оно является для нее не более чем предметом изучения. Потянувшись к ручке, она замирает и оборачивается, когда дверь лаборатории открывается. Увидев вошедшего, Джорджия тут же переводит взгляд на склонившегося над проводами Льюиса, он сжимает в руке миниатюрный паяльник.

Льюис тоже поворачивается к двери и вздыхает, глядя на невозмутимое лицо Картера. Он ничего не говорит, но Льюис и без слов знает, с какой целью пришел младший из Стренджей. Доктор Грант выключает паяльник и откладывает его в сторону. В этот момент Картер негромко произносит:

– Оуэн, можешь отдыхать. Я провожу доктора в комнату после встречи с Кеннетом. Ники, собирайся, через два часа мы уезжаем в Восход.

Николас удивленно смотрит на него и поднимается со своего места на небольшом диване, где проводит время, наблюдая за работой своей подопечной.

– А как же Джорджия? – спрашивает он, косо глядя в сторону доктора Купер, застывшей возле холодильника со свежим трупом.

– Она идет с нами, – ровным голосом сообщает Картер.

– Что? – спрашивает Джорджия, которая удивлена таким поворотом событий.

Она всегда отчитывается перед Кеннетом о проделанной работе отдельно от Льюиса. Вместе они были у него лишь однажды – в первый день, как попали сюда.

– Зачем? – в этот же момент задает вопрос Льюис.

Его охватывает странное волнение, причину которого он не может объяснить.

Картер равнодушно смотрит в глаза ученого, для него, как и для всех присутствующих, это решение брата стало такой же неожиданностью, как и то, что Кеннет отправляет его группу в Восход. Они прекратили сотрудничество еще несколько месяцев назад, но Кеннету кое-что нужно, и достать это можно только там, либо в другом мире, но брат не желает отправлять туда своих людей. Пока не желает. Поэтому не далее, как полчаса назад Картер получил от старшего брата информацию о том, что тому удалось наладить связь с одним из главарей Восхода, и тот приглашает делегацию из Эскамбии для решения возникших между ними разногласий. Что из этого выйдет, покажет только время.

– Кеннет ждет, – вместо ответа говорит Картер.

Джо снимает перчатки и халат и небрежно бросает их на спинку стула, после чего направляется в сторону выхода. От нее не укрывается ни недоумение Ники, ни хмурый вид и напряженные плечи Льюиса, ни привычная отстраненность Картера, который все же выглядит задумчивым.

Что-то изменилось. Но что? Это им может поведать только сам глава Эскамбии – неприступного исправительного учреждения, которое по рассказам Ники они реквизируют и назвали своим домом, потому что только здесь было безопасно, когда началось вторжение хака-тури. Ясно одно, через несколько минут Джо снова предстоит лицезреть угрюмое выражение лица Кеннета.

Выйдя из лаборатории, они делятся на две группы. Ники и Оуэн уходят в сторону жилых камер, а Картер и его спутники направляются на несколько уровней ниже – туда, где живет и производит управление машиной под названием Эскамбия Кеннет Стрендж.

Они преодолевают коридор за коридором, затем несколько лестничных пролетов, после чего оказываются в самом мрачном месте, какое только видела Джорджия. Картер без стука открывает дверь и пропускает вперед своих спутников. Большое помещение с минимумом мебели и с множеством экранов, занимающих почти всю противоположную от входа стену,

встречает вошедших полумраком. Кеннет поднимается из-за стола и оглядывает прибывших, после чего кивает брату.

Одного взгляда на старшего Стренджа достаточно, чтобы понять – сегодня он в еще более мрачном настроении, чем обычно. Джо открыто смотрит в темно-карие глаза, стараясь не обращать внимания на белую полоску шрама, что тянется от правого уголка губ до самого уха. Из-за этого кажется, что на лице Кеннета застыла вечная усмешка, но это обманчивое впечатление. Джо уверена, что он вообще не умеет улыбаться.

– Доктор Грант, – не обращая внимания на Джорджию, как всегда, прохладным тоном начинает Кеннет, – чем порадуете?

– К сожалению, пока ничем, – спокойно отвечает Льюис, встречая потяжелевший после этих слов взгляд Стренджа.

– На протяжении девяти недель вы говорите мне одно и то же, доктор. Уж не решили ли вы, что мое терпение вечное?

Притихшая Джо неотрывно смотрит на Кеннета, ощущая, как руки покрываются гусиной кожей, что является для нее предвестником бури.

– Ничего подобного я не думаю, мистер Стрендж, – все с тем же спокойствием сообщает Льюис. – Материалы, что мне доставили, никуда не годятся, а создавать нужные детали из воздуха я не умею.

С каждым произнесенным словом лицо Кеннета становится мрачнее.

– Мои люди достали все, что вы просили, а теперь вы говорите, что они зря рисковали жизнями?

Льюис лишь разводит руками. Он сказал правду. Все, что ему привозят, является не более чем бесполезным хламом. Готов Кеннет признавать это или нет, но факт остается фактом. И то, что у Льюиса не получается починить прибор, вовсе не его прихоть или ненадлежащие старания.

– Я понял вас, доктор, – произносит Кеннет. – Но, к всеобщему сожалению, мне все еще нужен хоть какой-нибудь результат. И раз вы думаете, что я буду ждать вечно, значит, вы недостаточно мотивированы.

С этими словами старший Стрендж вынимает из кобуры пистолет и направляет его в сторону Джорджии. От неожиданности она вздрагивает и пятится, но Кеннет переводит внимание на нее и качает головой, и девушка тут же застывает на месте.

Льюис делает шаг вперед и вытягивает руку в сторону Джо, словно таким образом собирается защитить ее.

– Кеннет, – миролюбиво говорит он, хотя сердце колотится прямо в горле, мешая сообщать. В данный момент Льюис чувствует себя беспомощным ребенком перед тем, с кем не в силах совладать, хотя на самом деле Кеннету, как и Льюису, немногим больше сорока. – Джорджия здесь совершенно ни при чем. Я делаю все возможное...

– Меня не интересуют оправдания, – холодно прерывает старший Стрендж.

А в следующую секунду по помещению разносится грохот выстрела.

Глава седьмая

Невидимая сила дергает меня вперед, словно на тело набросили лассо, петля которого туго затянулась в районе живота. Глаза слепит голубоватый свет портала, поэтому я крепко зажмуриваюсь. На задворках сознания мелькает и тут же исчезает мысль о том, что световой столб вовсе не горячий, как мне по какой-то необъяснимой причине казалось изначально. Он... никакой. Мне не холодно и не жарко. Но все это меркнет, когда я понимаю, что не могу вдохнуть. Открываю рот и тяну в себя пустоту, в легкие не поступает даже минимальная доза кислорода, отчего они будто съеживаются, а грудь обжигает болью. Ладонь, сжимающая сердце демона, горит огнем, но я продолжаю крепко стискивать пальцы, не желая расставаться с тем, что досталось мне с невероятным трудом.

А в следующее мгновение все заканчивается. Меня вышвыривает из светового потока, и я падаю на колени, больно приложившись ими о что-то твердое. Ладони упираются в ту же поверхность, а я тем временем делаю долгожданный глоток воздуха. Слишком большой глоток. От этого закашливаюсь и едва не валяюсь на землю.

С трудом открываю глаза и осматриваюсь, продолжая тяжело дышать. Воздух, поступающий в легкие, кажется раскаленным, отчего вдыхать его в разы тяжелее, чем обычно. Сердце слабо трепыхается в груди, волоски на руках становятся дыбом, а телом овладевает ужас.

Что я натворила?! Глупая. Какая же я глупая!

Отправляясь сюда, я даже не думала о том, что буду делать, оказавшись по эту сторону портала. Куда пойду и где стану искать папу? Ни о чем подобном не думала. Просто задалась целью попасть в другой мир. Попала? Идиотка! Прав был Джексон, мне не следовало приходить. По крайней мере до того, как не будут продуманы различные варианты развития событий. Хотя, с другой стороны, откуда мне было знать, как действовать, если я понятия не имела, что увижу, когда окажусь здесь? Но такого я не ожидала ни при каких раскладах.

Как-то Картер сказал мне, что их мир очень похож на наш. Не то, чтобы я рассчитывала на то, что они идентичны, но мне почему-то казалось, что здесь будет по крайней мере город, как у нас, и там я найду хоть какие-то подсказки. Ничего подобного.

Пустошь. Самая настоящая пустыня, только лишённая песка. Повсюду, куда дотягивается взгляд, нет ничего, кроме сухой растрескавшейся земли, камней и каких-то обломков. Ни деревьев, ни травы, ничего живого. Лишь вдали виднеются очертания города, справа от которого из-за горизонта уже показался слишком яркий оранжевый краешек солнца. Рассвет.

Перевожу дух, что оказывается не так-то просто. Дыхание восстановилось в полной мере, но кислород этого мира будто более... тяжелый что ли, отчего вдыхать и выдыхать его труднее, чем дома. Опускаю голову, только сейчас заметив, что выронила рюкзак и сердце. Один валяется неподалеку слева, второе поблескивает рядом с упирающейся в землю ладонью. Сгибаю его, отмечая про себя, что оно больше не горячее, после чего убираю в передний карман джинсов. Оно мне еще пригодится. Подхватываю с земли рюкзак, с трудом поднимаюсь, все еще ощущая боль в коленях, и только после этого поворачиваюсь в сторону портала. Нужно обойти его и посмотреть, может, с другой стороны картина будет более обнадеживающей, что, без сомнения, маловероятно. Но и тут меня ждет еще одно потрясение.

Столб света... его нет. Вместо него над землей висит полупрозрачная дымка, через которую прекрасно просматриваются окрестности. Такие же безрадостные, какие расположены у меня за спиной.

Глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, чтобы успокоиться. Понимаю, что начинаю привыкать к необычному воздуху этого мира. Прошло всего несколько минут, а дышать уже стало чуточку проще.

Внимательно смотрю на полупрозрачное световое пятно, находящееся на месте портала. Я понятия не имею, смогу ли вернуться домой через него, да и действующий ли вообще этот проход. Проверять прямо сейчас я все равно не буду. Отворачиваюсь и смотрю в сторону далекого города, решая отправиться именно туда, выбор все равно невелик. Возможно, там я найду подсказки. Или смерть. В любом случае оставаться на месте – бесполезная трата времени. Папа не появится передо мной ни с того ни с сего. А раз уж я стала к нему чуточку ближе, чем была еще полчаса назад, я просто обязана сделать все, чтобы найти самого родного для меня человека.

Перекидываю лямки рюкзака через плечо и решительно направляюсь в выбранную сторону. На ходу снимаю респиратор и цепляю его за крючок на ремне, днем он мне не пригодится. В данную секунду сожалею только об одном. О том, что мне не успели сделать такую же маску, какие были у пришельцев. Качаю головой и нервно хмыкаю вслух. В данный момент я сама пришелец в этом мире, и он вовсе не похож на родной для меня. Скорее всего и этот не всегда был таким, а точнее, так оно и есть. Если портал, через который я сюда попала, выглядит таким образом, это значит только одно – какое-то время назад он взорвался, уничтожив все вокруг. Я видела подобное на кадрах, доставленных с места взрыва в Европе. Пытаюсь припомнить все то небольшое о взорвавшихся порталах, что мне рассказывал лживый предатель Стрендж, но память отзывается неохотно, и я отбрасываю эту затею. Озираюсь по сторонам, выхватывая зрением места, так непохожие на те, что я когда-либо видела.

Идти приходится долго, потому что ни о какой дороге и речи быть не может. Я то и дело меняю направление, стараясь выбирать более-менее ровный путь. Ситуацию ухудшает еще и то, что поднимающееся солнце, которое ярче и жарче того, что находится в моем мире, беспощадно припекает, а кругом нет и намека на тень, чтобы устроить привал. Совершаю короткие остановки, чтобы сделать крохотный глоток воды. Куртку я сняла давно и убрала в рюкзак, а вот с броней так не вышло, поэтому я просто ослабила ремешки креплений. На такой жаре есть не хочется, да и при одной только мысли о еде желудок недовольно сжимается, напоминая мне о мучениях, что испытал, пока я, словно мясник, разделывала...

Нет! Не думай об этом, Эмили!

И я не думаю. Шагаю вперед, ощущая, как в мышцах накапливается усталость. А проклятый город все никак не приближается. Судя по часам, которые, к моему удивлению, продолжают работать несмотря на то, что перенеслись в другой мир, мой путь длится уже пять часов. И я наконец-то вижу впереди какое-то здание. Кажется. Надеюсь, в итоге это не окажется просто камень размером с дом.

Переставляю ноги чуть быстрее, чтобы поскорее добраться до цели. Даже если это кусок скалы, неведомо откуда взявшийся посреди равнины, там по крайней мере будет тень. Дорога отнимает еще около получаса. И чем ближе я подхожу, тем крепче становится моя уверенность в том, что это не скала, а все-таки здание. Вернее, то, что от него осталось. А окружающие его камни – это останки когда-то стоявших поблизости строений, которые до основания разрушило взрывной волной. Каким чудом осталось стоять это здание – неизвестно.

Но при ближайшем рассмотрении становится понятно, что я поторопилась с выводами. Высотка все же подверглась разрушению. Несколько нижних этажей рухнули, а верхние заняли их место какой-то косой конструкцией без стекол в оконных проемах, а местами и с огромными провалами на месте стен. Каким чудом гигантское уродище все еще не развалилось, мне неведомо, но сомневаюсь, что оно разрушится, если я ненадолго спрячусь от солнца в его тени. По сравнению с ним я выгляжу до смешного незначительно.

Подхожу вплотную к зданию, замираю и несколько минут разглядываю ненадежную конструкцию. Но я так устала, что мне уже все равно, развалится она или нет. По кирпичным обломкам забираюсь на небольшую возвышенность и только после этого захожу в здание через на удивление сохранившийся оконный проем. Далеко от выхода не иду, сажусь сразу справа на

более-менее ровную поверхность и осматриваюсь. Изнутри все так же печально, как и снаружи – кривые стены, обломки мебели и чего-то еще. Дверной проем в соседнюю комнату оказывается завален остатками потолка, вижу широкую сквозную дыру на второй этаж, или каким он был изначально. Вдыхаю с облегчением. Если в этом уродище и есть монстры, то им до меня не добраться. К тому же я вовсе не собираюсь оставаться тут надолго.

Устало вздыхаю, запрокидываю голову, упираюсь затылком в стену и прикрываю глаза. В голове роятся миллионы мыслей, но я ощущаю лишь растерянность. А что, если город, к которому я держу путь, окажется таким же, как это здание? Что делать тогда? Нет ответа. Повезет еще, если я не встречу там голодных монстров. Хотя есть ли вообще смысл думать об этом? До темноты мне все равно не добраться туда, а где искать укрытие, если вокруг нет ничего, кроме каменных обломков цивилизации? И почему мне даже в голову не пришло, что будет настолько непросто и непонятно?

За этими размышлениями не замечаю, как отключаюсь. В себя прихожу оттого, что поблизости кто-то скребется. Мозг еще не успевает проснуться, а тело уже охватывает ужас. Распахиваю веки и на автомате подскакиваю на ноги, в тот же миг плавным движением вынимая катану из ножен. Покачиваюсь, потому что координация проснулась позже меня. Тут же встречаюсь взглядом с непонятым существом, замершим возле заваленного дверного проема. Округлившимися глазами смотрю на неведомую тварь, что неподвижно стоит, уставившись на меня огромными синими глазищами. Размером с большую кошку, полностью черная, она покрыта странными переливающимися чешуйками, а морда – смесь кошмара и отворачивания – чем-то напоминает летучую мышь. Существо дергает крохотным носом приносясь и неотрывно смотрит на меня. А потом, к моему величайшему ужасу, *это* встает на задние конечности и резко бросается вперед. Даже вскрикнуть не успеваю, как тварь в два прыжка преодолевает разделяющее нас расстояние и налетает на меня. От неожиданности падаю на спину, на миг ослепнув от вспышки невероятной боли, но она отходит на второй план, когда бедро обжигает чем-то острым, и это затмевает собой все, что я испытывала ранее. Беспольный в данном случае меч вылетает из ладони, и я тянусь к кобуре. Но так же стремительно, как налетела, тварь отскакивает прочь. Сажусь и направляю оружие на существо, замершее ровно в том месте, где я впервые его увидела. В зубах уродище сжимает... сердце хакагури. Резко опускаю голову и с изумлением замечаю порванные штаны, а сквозь небольшие прорехи сочатся тонкие струйки крови. Но это волнует меня в последнюю очередь. Эта... тварь украла у меня проклятый кристалл!

– Это мое! – рассерженно восклицаю я.

Существо скалит зубы, впрочем, не разжимая их, и издает приглушенное шипение. Снимаю пистолет с предохранителя и не раздумывая жму на спусковой крючок. Пуля врезается в завалы, громоздящиеся в дверном проеме, тогда как тварь, молнией метнувшаяся в сторону, без усилий скрывается в узкой щели между ними. Подскакиваю на ноги, слегка покачиваюсь, но не медля ни секунды, бросаюсь туда же, опускаюсь на колени, но это бесполезно. В щель мне не просочиться, а наглого вора уже и след простыл. Стискаю зубы от досады, но все равно не сдерживаю самого грязного ругательства, какое только приходит на ум. Ощущаю невероятное негодование на неведомую тварь, да и на себя тоже.

Я в незнакомом месте и понятия не имею, что делать.

Я устала и чувствую растерянность.

Меня ранили.

И я лишилась сердца, которое было нужно, чтобы вернуться домой. А это значит, что мне придется добывать новое. Вот же черт!

Да уж, такое себе начало *путешествия*.

– Плевать! – бросаю в сердцах и поднимаюсь.

Какой смысл убиваться? Ничего от этого не изменится.

Направляюсь к рюкзаку, достаю небольшую аптечку, обеззараживаю и заклеиваю пластырем три царапины, оставленные острыми когтями твари. Покусываю губы от боли. Надеюсь, существо не занесло никакую заразу мне в кровь. Хотя я даже не удивлюсь, если все окажется именно так. С моим везением это будет вполне объяснимо.

После того как заканчиваю оказывать себе первую помощь, снимаю с пояса респиратор. Когда я упала, стекло сломалось, и теперь на его месте тонкая паутина трещин. Сквозь них ничего не будет видно. Кое-как при помощи подручных материалов мне удастся полностью разломать и избавиться от него. В итоге вместо полнолицевого респиратора, у меня остается обычный. Цепляю его на пояс и выпрямляюсь в полный рост, ощущая тянущую боль в мышцах.

Поднимаю с пола меч и убираю его в ножны. Услышав тихое шуршание, вскидываю голову. Через дыру в потолке вижу мерзкую тварь, что склонив голову набок с интересом наблюдает за мной. Сердца в зубах уже нет. Конечно, уродина наверняка припрятала его в надежном месте. Зачем оно вообще ей понадобилось?

– Пошла отсюда! – со злостью выплевываю я.

Существо скалит зубы и шипит, впрочем, не двигаясь с места. Через секунду рядом с ним оказывается еще одна точно такая же тварь. Чувствую, как каменеют плечи. Этого мне еще не хватало. Численный перевес явно не на моей стороне, поэтому самым умным решением будет поскорее уносить отсюда ноги. Понятия не имею, что это за твари и чем они опасны. И если одна без труда справилась со мной, то две могут нанести гораздо больший ущерб, чем пара пустяковых царапин. А если их тут не две?

Продолжая неотрывно смотреть на тварей, пачусь в сторону выхода. Надеюсь, они не вздумают преследовать меня. Покидаю пределы здания через оконный проем, спускаюсь с вышенности и тут же снова оказываюсь под лучами палящего солнца. Сначала смотрю в сторону города, который все еще находится слишком далеко, а потом поворачиваюсь и замираю, увидев несколько сидящих на пороге существ. Они не выходят наружу, но неотрывно наблюдают за тем, как я отступаю и удаляюсь прочь. Несколько раз оборачиваюсь, но меня никто не преследует. С трудом подавляю желание броситься бежать. Так я быстро устану, а силы мне еще понадобятся. К тому же нет никакой гарантии того, что твари не передумают и не бросятся в погоню.

Глава восьмая

Будь проклят этот чертов мир и лживый Картер Стрендж, из-за предательства которого я оказалась здесь!

Практически целый день нахожусь в пути, а проклятый город все так же остается недосягаем. А все потому, что из-за огромного расстояния я подверглась обману зрения. То, что я изначально приняла за город, оказалось вовсе не им, а лишь разрозненным скоплением зданий, находящихся на приличном расстоянии друг от друга. Сам город, расположился гораздо дальше. И хотя в данный момент я значительно приблизилась к цели, остается одна проблема. До наступления темноты совсем немного времени, и его не хватит, чтобы добраться до обозначенного места назначения. Очень надеюсь, что там меня встретят не развалины, подобные тем, что несколько раз попадались по пути. И все их я обходила стороной, так ни разу и не решившись зайти внутрь, чтобы устроить привал. Не факт, что мне удалось бы не вырубиться, приняв сидячее положение. А я понятия не имею, безопасно ли внутри. Поэтому сцепив зубы продолжаю упорно продвигаться вперед. И если поначалу я только и делала, что глазела по сторонам, потому что все вокруг казалось чем-то странным и по-новому непонятным, все-таки окружающее меня пространство – часть чужого неизведанного мира. Но в последние несколько часов я просто иду, безразлично глядя себе под ноги и изредка на далекую цель впереди, потому что, кроме редких развалин, потрескавшейся земли и обломков, вокруг ничего нет. С одной стороны этот мир не имеет каких-то кардинальных отличий от моего, а с другой – он совсем иной. По крайней мере та часть, которую я уже видела.

За последние несколько часов мой темп значительно снизился (до скорости большой черепахи), а сил с каждым шагом остается все меньше. Сказывается бессонная ночь, которую я провела в морге, и целый день пути по труднопроходимой местности. Хорошо еще, что я догадалась удобно одеться и выбрала те самые ботинки, что выдал мне Джексон.

Солнце почти полностью описало дугу и совсем скоро коснется горизонта у меня за спиной, а это значит, что стемнеет максимум через час. А я так и не придумала, где проведу ночь. Можно устроиться в одной из развалин, что теперь встречаются гораздо чаще. Хотя я не могу быть уверена в том, что там не опасно. Но и оставаться на открытой местности небезопасно. Уверена, с наступлением ночи здесь появятся хакатури, или монстры, чьи тела заняли демоны, или те самые твари, одна из которых отобрала у меня проклятое сердце, а может, они нагрянут все вместе. Без разницы. Встреча хоть с кем-то из них не сулит мне долгую жизнь.

С горечью понимаю, что мне страшно, невероятно страшно оттого, что я не знаю, переживу ли эту ночь. Чувствую себя абсолютно беспомощной. Даже оружие не вселяет в меня ни грамма уверенности. А еще от меня пахнет кровью, а воды, чтобы смыть ее в запасе просто нет. Поэтому в одну из коротких остановок делаю то единственное, на что у меня хватает фантазии в сложившихся обстоятельствах. Стараясь действовать как можно более аккуратно, разматываю пленку, которая все это время оставалась поверх повязки на руке. Вернувшись из душа, я была поглощена изучением карты города, а потом просто забыла про нее.

Боже, как же это было давно. Хотя на деле прошло не больше суток.

Снимаю пленку, раны на руке все равно зашиты и больше не пахнут кровью, а вот с ногой и заляпаннами джинсами все не так радужно. От вида кровавых следов меня начинает мутить, в голову тут же лезут воспоминания о том, что я сделала вчера. Зло фыркнув, встряхиваю головой и прогоняю прочь отвратительные видения. Что же меня теперь, всю жизнь будет тошнить от вида крови? Нет уж!

Обматываю пленку вокруг бедра прямо поверх штанины, надеюсь, это хоть как-то поможет и запечатает запах. Чтобы жалкое подобие повязки не сползло, достаю из рюкзака одну из

запасных футболок и безжалостно отрываю край, которым в итоге подвязываю пленку. Придирчиво оглядываю получившееся безобразие, а затем продолжаю путь.

Пока еще есть время до темноты, заставляю себя поесть. В итоге с трудом удерживаю в желудке крохотную порцию пищи. Меня все еще мутит при мысли о еде, но мне нужны силы, чтобы продолжить путешествие, которое больше не кажется такой уж хорошей идеей. Но я со злостью гоню прочь размышления об этом. Нет смысла ругать себя за опрометчивый поступок. Тем более я все равно уже его совершила. Последствия не заставят себя ждать.

Без всяких подсказок было ясно – просто не будет. Следовательно, пора собрать волю в кулак и перестать ныть. Я должна сделать то, ради чего сюда пришла. И я сделаю! Чего бы мне это ни стоило.

Запив скудный ужин парой глотков воды, убираю лишнее в рюкзак, достаю из него куртку, потому что с приходом сумерек становится прохладно, будто кто-то одним щелчком выключил жар солнца. Отстегиваю от ремня самолично изуродованную маску и, как только последний луч небесного светила прячется за горизонтом, надеваю ее. Оглядываюсь по сторонам, но вокруг по-прежнему пустынно, никто не выскакивает из-за развалин и не бросается на меня, чтобы сожрать.

Пока совсем не стемнело, сворачиваю с намеченного курса и направляюсь к странного вида сооружению, подобное которому еще ни разу не встречалось на моем пути. Иду медленно, стараясь не издавать лишнего шума, чтобы услышать, если поблизости появится кто-то еще. Дорога отнимает около десяти минут, за это время мир почти полностью погружается в темноту.

Наконец, достигаю сооружения. Это что-то типа водонапорной башни, возможно, она и есть. Скорее всего лезть наверх небезопасно, но не думаю, что остаться на земле будет верным решением. Низ конструкции выполнен из толстых металлических балок в форме уголка, что расположены то по вертикали, то по диагонали, то по горизонтали в совершенно хаотичном порядке. По крайней мере я никакой логики в их расположении не вижу. Верх сооружения – гигантский цилиндр.

Стараясь действовать осторожно, проверяю на прочность несколько перекладин, расположенных горизонтально и под углом. Только после этого начинаю медленно взбираться на башню. Это отнимает не меньше двадцати минут, хотя вряд ли высота конструкции превышает пять-шесть метров.

Наверху оказывается открытая круглая площадка, предоставленная всем ветрам. Невысокий бортик может послужить прикрытием только в одном случае. Если я лягу и не буду шевелиться. А сейчас мне хочется этого больше всего на свете. Скидываю рюкзак, снимаю со спины меч, кладу все это на поверхность крыши, а сама ложусь рядом. Возможно, засыпать сейчас было бы глупо, но у меня нет сил и дальше оставаться в сознании. Плюсом ко всему, если я не отдохну и сегодняшней ночью, то завтра гарантированно никуда не дойду.

Некоторое время прислушиваюсь к окружающим звукам. Не слышу ничего, даже ветра, поэтому вздыхаю, с облегчением закрываю глаза и стараюсь расслабиться, чтобы дать телу долгожданный отдых. Каждая мышца ноет, а голова болит, но я все равно практически мгновенно проваливаюсь в забытие.

Проходит слишком мало времени, именно так мне кажется, когда я резко распахиваю глаза и быстро-быстро моргаю, стараясь понять, что потревожило мой сон. Вокруг по-прежнему тишина, а ночь оказывается вовсе не темной. На ясном иссиня-черном небе сверкает бесчисленное количество звезд, которые оказываются гораздо крупнее и ярче, чем я привыкла видеть в родном мире. Здесь нет ничего похожего на луну, но при таком раскладе она и не нужна.

Пару минут просто лежу, уставившись в раскинувшееся надо мной великолепие. Тревожно колотящееся сердце медленно успокаивается, а я озадаченно покусываю нижнюю губу,

пытаясь понять, что же меня разбудило. Но тишина, дарящая умиротворение, не дает никаких подсказок. Веки медленно слипаются, и я снова начинаю проваливаться в сон, но далекий звук откуда-то справа заставляет встрепенуться. Внутри все леденеет. Подобные звуки я привыкла слушать каждый день и каждую ночь. Выстрелы.

Осторожно переворачиваюсь на живот и медленно подползаю к краю площадки, оставшись в ночь в том направлении, откуда доносились звуки. Там город, именно к нему я все это время держу путь. Прислушиваюсь и задумчиво потираю бровь. В городе есть люди. Это уже хорошо. Хотя насколько это хорошо для меня – непонятно. Ведь я не знаю, кто они и с каким настроением встретят чужака, коим я и являюсь. Повезет еще, если среди тех людей окажется хоть кто-нибудь из тех, с кем мне уже довелось познакомиться. Да и если там окажется папа. Папа... надеюсь, он жив. И Джорджия тоже.

Собираюсь снова перевернуться на спину, чтобы отдохнуть еще немного, все равно я не смогу продолжить путь ночью, но замираю, краем глаза заметив движение. Медленно поворачиваю голову в его сторону и всматриваюсь в светлую ночь. По неровной земной поверхности плавно скользит что-то темное, будто круглый кусок почвы диаметром примерно три метра приподнялся вверх и пришел в движение. Необъяснимое нечто перемещается строго параллельно тому месту, где сейчас нахожусь я. И все это происходит совершенно бесшумно. Напрягаю глаза, силясь подробнее рассмотреть, что же это за неведомое явление, ощущая, что горло становится абсолютно сухим. Сглатываю несколько раз. Не помогает.

Внезапно поток останавливается, как и мое дыхание. Застываю, до боли в глазах всматриваясь в не поддающуюся объяснению странность, что пугает до чертиков. От того места, где движение замерло, медленно отделяется небольшая тень, замечаю ее лишь потому, что в ярком свете звезд она едва заметно переливается серым. С потрясением понимаю, что это такое. Тварь, подобная той, которая украла у меня сердце хакатури ранее днем.

Сначала крадучись, потом все резче она взбирается на невысокую грудку камней. Судя по тому, что тень становится выше, тварь поднялась на задние конечности. Едва сдерживаюсь от судорожного вздоха. Ни в коем случае нельзя выдавать себя. С таким количеством противников мне не поможет справиться никакое оружие из того, что есть в наличии.

Тишину разрывает резкий отрывистый вскрик, а сразу за ним еще один и еще. Волосы на затылке шевелятся. Этот звук подозрительно напоминает клекот демонов и тех, чьи тела они заняли. Только он более резкий и короткий. Замираю от еще большего потрясения, когда на меня обрушивается догадка, похожая на бред. Эти существа... это самки хакатури. Я почти уверена в своей правоте. Картер говорил, что самки не похожи на самцов, они больше них и не имеют крыльев. Возможно, он говорил что-то еще, но от волнения вся информация вылетела из головы.

Тварь вопит еще несколько раз, но ни она, ни ее подруги так и не двигаются с места. Ждут чего-то? Чего? Понимаю, что не хочу этого знать. Вряд ли мне понравится хоть какой исход.

Это повторяется еще некоторое время, а я продолжаю лежать, замирая от ужаса каждый раз, как тварь вскрикивает, а ее подруги беспокойно копошатся. Стараясь не выпускать их из вида, медленно оглядываюсь по сторонам, опасаясь того, что все это может оказаться отвлекающим маневром, а со спины на меня уже готовится нападение. Только благодаря тому, что начинаю крутиться, замечаю движение позади вышки. Что-то огромное несется на нее столь стремительно, что дух захватывает от ужаса. Если я каким-то чудом выберусь отсюда живой, то уже к утру мою голову будет украшать копна седых кудрей. Никогда в жизни я столько не боялась. А когда приближающийся живой кошмар издает столь громкий клекот, какого я еще ни разу не слышала, все внутренности и вовсе скручивает узлом.

Но то ли полоса невезения закончилась, то ли что-то еще, но огромная сущность проносится мимо башни в нескольких десятках метров, не обращая никакого внимания на мое укрытие. Захваченный останавливается прямо перед группой мелких тварей, при этом поднимая в

воздух столб пыли. Широко распахнутыми глазами смотрю на габариты монстра. Назвать его огромным даже мысленно язык не поворачивается, это было бы сильным преуменьшением. Как человек мог переродиться... *в такое?*

Монстр застывает на месте, тогда как мелкие твари приходят в движение и нескончаемым потоком начинают кружить вокруг него. Долю секунды мне кажется, что они набросятся на него всей толпой, но ничего подобного не происходит. Одна из них, мне не видно та же эта, что кричала до этого или другая, открывает рот и издает долгий протяжный клекот. В следующее мгновение монстр срывается с места и на огромной скорости мчится в сторону города, а вся толпа тварей несется следом, ничуть не уступая в скорости. Очень быстро они исчезают из поля видимости, и только пыль оседает на их следах.

Утыкаюсь лбом в сложенные на поверхности крыши руки и судорожно дышу, пока в груди не начинает болеть оттого, что я поглощаю слишком крупные порции тяжелого кислорода. Боже, что же это такое? Этот мир оказался еще более опасным и непредсказуемым, чем я ожидала. И это я еще не все знаю.

Переворачиваюсь на спину, почти не поморщившись от дискомфорта, и вновь смотрю на звезды. Прислушиваюсь к окружающим меня звукам. Мне повсюду мерещится опасность, поэтому остаток ночи я провожу в беспокойных метаниях – то проваливаюсь в сон, то вздрагиваю оттого, что мне что-то послышалось. Несколько раз до меня доносится далекая стрельба с той стороны, где скрылись твари.

Едва дождавшись, когда исчезнут звезды, а небо начнет сереть, я собираю свои вещи и спускаюсь с башни, после чего почти сразу отправляюсь в сторону города. Намеренно выхожу на тот путь, которым ушли монстры, но не нахожу никаких следов. Земля настолько пересохла, что это неудивительно. Задумчиво потираю лоб, а затем провожу пальцами по закрытым векам. Надеюсь, мне удастся найти воду. Еда ладно, у меня есть небольшой запас, да и поглощать ее, честно говоря, не хочется. А воды мало. Из-за того что я провела весь вчерашний день в пути по жаре, одна из двух бутылок уже пуста. И если я сегодня не доберусь до города и не найду там хоть кого-нибудь, кто поможет мне, завтра меня ждут проблемы. Дожить бы еще до этого завтра...

В этот раз я тоже ошибаюсь с расчетами, но в свою пользу. Время только переваливает за полдень, а я уже вижу окраину так ясно, что хочется выть. Все здания, что попадаются на глаза, выглядят ужасно, и сразу становится понятно, что здесь мне ловить нечего. Может, где-то в глубине оставленного людьми поселения картина будет более радужной? Ведь кто-то же стрелял здесь вчера. Значит, должен быть хоть кто-то живой. Твари меня не интересуют, мне нужны люди. А потом до меня доходит, что скорее всего мне не помогут. Качаю головой, когда представляю, как это будет выглядеть со стороны. Мне буквально придется спрашивать у незнакомцев о том, как я могу найти Картера Стренджа. Горько усмехаюсь. Я ведь даже ни разу не задумывалась о том, что этот мир не равен крохотному поселению, где все друг друга знают.

Черт возьми! Ну и что делать?

Продолжать путь, ведь ничего иного не остается.

Чем ближе подхожу к городу, тем внимательнее оглядываю каждое здание и пустынные улицы, какие только вижу, в надежде заметить хоть какое-то движение. Бесплезно. Под подошвой что-то звякает, и я опускаю голову. Чуть сдвигаю сползший на глаза капюшон куртки, что является единственной защитой от палящего солнца, и склоняюсь, чтобы поднять один из множества небольших металлических цилиндров. Гильзы. Повсюду.

Оглядываюсь еще раз. Никакого движения.

– Где же вы скрываетесь? – шепчу я хриплым пересушенным голосом, он кажется мне чужим. Ну еще бы, за последние два дня мне не приходилось много разговаривать.

Иду дальше, продолжая крутить пальцами поднятую гильзу. При ближайшем рассмотрении здания оказываются в еще более печальном состоянии, чем казалось издалека. Всюду обломки, дырки от пуль, в окнах и витринах нет и намека на стекла. Разруха и запустение.

Медленно шагаю по улице, все время осматриваясь по сторонам. Хмурю брови, потому что не могу понять, что меня во всем этом смущает. А потом замираю как вкопанная. Машины... нет ни одной брошенной машины. Улицы целиком и полностью пустынные. Тут даже особо хлама нет. Редко встречаются какие-то фрагменты стен и кирпичи, а также старые кости.

Продолжаю путь, но метров через десять снова останавливаюсь, когда вижу в ближайшем переулке свежие человеческие останки, впрочем, назвать их таковыми было бы преувеличением. Это обглоданные не до конца кости. В некоторых местах виднеются остатки несъеденного мяса, а еще повсюду кровь и ошметки внутренностей. Вскидываю вверх руку и закрываю ладонью рот и нос, чтобы не дать жуткому запаху завладеть моим существом. Поздно. Чувствую, как все тело покрывается испариной, а по спине бежит холодок. Спешу убраться подальше, пока меня не вывернуло наизнанку. Перед внутренним взором тут же возникают воспоминания о морге и внутренностях монстра, в которых мне добровольно приходилось копаться.

Справиться с тошнотой и прогнать из головы засевшую там зловонную картину получается далеко не сразу. Около часа блуждаю по пустым улицам и не вижу ни следа пребывания человека, отчего чувствую, как медленно подкрадываются отчаяние и безысходность. Поэтому, когда до слуха доносится смех, я не сразу верю в то, что это по-настоящему. Сердце набирает обороты, а меня накрывает волной облегчения. Спешу в сторону, где явно есть люди.

Но чем ближе подхожу, тем сильнее становится чувство тревоги, а шаги сами собой замедляются. Улыбка, невесть откуда взявшаяся, пропадает с лица. Кроме взрывов смеха, в которых явственно слышится глумливость, до меня долетают крики и плач.

Вплотную подхожу к стене одного из зданий, останавливаюсь на углу и осторожно выглядываю за него, чтобы тут же отшатнуться. Сердце испуганно сжимается, и я пячусь назад, дохожу до пустого дверного проема, когда слышу приближающиеся шаги, гулко звучащие по твердой земле. Не нахожу ничего лучше, чем забежать в здание. Осматриваюсь. Внутри все не так печально, как в той высотке, на которую я набрела вчера. Единственное, что смущает, – отсутствие какой-либо мебели. Даже нет каких-то забытых вещей или мусора, что несколько выбивает из колеи. Дневной свет хорошо освещает помещение, поэтому я, не боясь наткнуться на засевших здесь тварей, бесшумно перехожу в соседнюю комнату, а потом и в следующую, благо двери тут не заперты.

Оказываюсь с той стороны здания, где засела группа людей, их голоса и смех становятся громче. Медленно приближаюсь к окну и встаю так, чтобы меня невозможно было увидеть снаружи. С этим мне помогает солнце, которое будет светить прямо в глаза тем, кто посмотрит в мою сторону.

Закрываю рот тыльной стороной ладони и даже дышать стараюсь настолько тихо, чтобы самой не было слышно. За окном вижу большую открытую площадку перед задней частью какого-то одноэтажного здания. На ней полукругом стоят несколько внедорожников и пикапов, перед которыми в кругу на каких-то ящиках, старых покрышках и чем-то подобном сидит больше десятка мужчин и несколько женщин. И все они имеют вид настоящих головорезов. В центре круга вижу двух молоденьких девушек. Они очень худые и одеты в какие-то лохмотья, едва прикрывающие тела, а еще на них надеты ошейники, к которым привязаны веревки. Одна из несчастных всхлипывает и держится за лицо, и именно это вызывает приступ веселья у некоторых из присутствующих. Остальные смотрят с безразличием, при этом поглощая какую-то еду.

Ком встает в горле, а душа клоочет от ярости. Какого черта здесь творится? К своей величайшей досаде, понимаю, что ничем не смогу помочь несчастным. С такой оравой мне в одиночку не разобраться. К тому же с ужасом осознаю то, что эти люди вряд ли мне помогут, если я обращусь к ним за помощью. Надо быть настоящей идиоткой, чтобы этого не понимать. Ясно одно. Необходимо поскорее уносить отсюда ноги и попытать счастья в другом месте. Понятия не имею, где, но не здесь.

Медленно отступаю от окна и собираюсь развернуться, но тут кто-то хватает меня со спины и зажимает рот широкой ладонью. Глаза расширяются от ужаса, не могу даже дернуться, рука нападающего крепко обнимает меня поперек живота и прижимает к твердой груди. Не успеваю даже пискнуть, когда уха касается горячее дыхание, и я скорее ощущаю, чем слышу тихое: "Ш-ш-ш".

Глава девятая

Ужас овладевает мной, а крепкая хватка не дает вырваться, но я все равно сопротивляюсь изо всех сил, позабыв про наличие оружия.

– Да тихо ты! – так же шепотом приказывают мне в ухо. – Или нас услышат.

Это замечание остается для меня совершенно непонятным. С чего бы схватившему меня человеку заботиться о том, услышат нас его дружки или нет? Мне плевать. Я должна освободиться и бежать отсюда как можно скорее.

Наконец, ко мне начинает возвращаться способность мыслить разумно. Пока нас не увидели те жуткие люди, нужно разобраться с обидчиком. Один противник лучше, чем толпа. Мужчина успевает протащить меня через две абсолютно пустые комнаты, и я, наконец, решаюсь. Поднимаю ногу и бью пяткой в колено своего похитителя. Он шипит от боли и шепотом отпускает грязное ругательство, но, к моему разочарованию, хватка не ослабевает. Наоборот, становится лишь сильнее.

– Успокойся, кудряшка, я не причиню тебе вреда, – уже более громко говорит мужчина.

На миг впадаю в ступор и даже сопротивляться прекращаю. Схвативший меня пользуется моментом и утаскивает еще дальше от людей на улице. Мой ступор почти сразу же сменяется изумлением, а потом и невероятной злостью. Начинаю сопротивляться еще яростнее и пускаю в ход зубы. Ладонь в это же мгновение исчезает с моего лица, и я тут же делаю глубокий вдох через рот.

– Мать твою, Эмили! Какая муха тебя укусила? – шипит мне в ухо знакомый голос.

– Пусти! – яростно шепчу я.

– Пообещай, что не будешь творить дичь, – тихо требует обидчик, тем не менее замерев на месте.

– Обещаю, – цежу сквозь зубы.

Пару мгновений ничего не происходит, потом хватка ослабевает, и я мгновенно вырываюсь, отступаю и резко оборачиваюсь, встречаясь с настороженным взглядом серых глаз. Оглядываю парня с головы до ног. Он выглядит точно так же, как и тогда, когда я видела его в последний раз. Темно-русые волосы, как всегда, в беспорядке, лицо непривычно серьезно, но я знаю – стоит ему улыбнуться, и на щеках тут же появятся милые ямочки.

С удивлением понимаю, что помимо ярости испытываю облегчение и... радость? Это открытие заставляет меня попятиться и разозлиться уже на себя.

– Я сначала не поверил, что это ты, – спокойно сообщает Ники, все так же внимательно наблюдая за каждым моим движением. – Что ты здесь делаешь?

Я лишь презрительно фыркаю. Он на полном серьезе задает мне этот вопрос?

Видимо, поняв, что я не собираюсь отвечать, Ники усмехается, а потом неожиданно расплывается в ярчайшей улыбке. А вот и ямочки, будь они прокляты.

– Неужели соскучилась, кудряшка? – спрашивает он, продолжая скалиться.

– Безумно, – выплевываю я, не скрывая злости. И сразу же выпаливаю вопрос, переходя к делу: – Где мой отец?

Улыбка Ники слегка меркнет, он мельком оборачивается, после чего склоняется и потирает ушибленное колено, разглядывая при этом укушенную мною ладонь. Встречаю эти жесты каменным выражением лица. Больно ему? Так этому гаду и надо! Я больше двух месяцев страдала от их предательства.

Ники выпрямляется и говорит совсем не то, о чем я спросила:

– Идем. Пока люди Алвина нас не заметили.

– Кто такой Алвин? – спрашиваю я, не двигаясь с места.

– Ты видела его и шайку, которую он возглавляет. Нужно идти, Эмили. Они не должны тебя увидеть. – Ники замечает, что я упрямо поджимаю губы, и совсем перестает улыбаться, после чего заявляет твердо: – Я все расскажу, но не здесь.

Вздыхаю настолько тяжело, чтобы Ники сполна прочувствовал всю силу моего недовольства, после чего с неохотой киваю и бросаю короткое:

– Веди.

Ники снова быстро оборачивается, после чего обходит меня и направляется в ту сторону, куда, по всей видимости, до этого тащил.

Преодолеваем помещение за помещением, отчего дом кажется бесконечным. Только через пару минут мой спутник открывает какую-то дверь, которая чуть ли не единственная среди множества оказывается закрыта. Ники выглядывает наружу, осматривается, после чего жестом подзывает меня к себе.

– Нужно перейти улицу и пройти к тому зданию, что находится слева по диагонали. Только быстро.

Молча киваю. Все происходящее кажется странным сном.

Ники пару секунд всматривается в мое лицо. Не знаю, что он хочет там разглядеть и что видит в итоге. Злость отступила. Сейчас я чувствую странное опустошение, облегчение оттого, что нашла хоть одного знакомого человека, да еще надежду на то, что в скором времени увижусь с папой. Но в душе нет ни капли спокойствия. Я не могу доверять Ники. Один раз он уже предал мое доверие, и нет никаких гарантий того, что это не произойдет снова. Но выбор у меня невелик. Либо те люди на улице, либо Ники. Решение очевидно. Ники хотя бы может привести меня туда, куда в последние пару месяцев рвется сердце.

Покидаем здание и спешим в указанную сторону. Через несколько секунд уже забегаем в открытую дверь. Ники идет вглубь здания, я шагаю следом, мельком оглядывая помещения. Здесь тоже пусто – ни мебели, ни вещей, ничего. Спустя пару минут блужданий по лабиринтам комнат останавливаемся у ничем не приметной закрытой двери. К моему удивлению, Ники извлекает из недр кармана небольшой ключ и отпирает замок. За дверью оказывается лестница, ведущая в подвал. А еще там темно, отчего я напрягаюсь. Жизнь научила опасаться подобных мест, и у меня нет никакого желания идти вниз.

Словно почувствовав мои переживания, Ники произносит успокаивающим тоном:

– Там безопасно.

Дергаю плечом, но ничего не отвечаю. Нигде не безопасно. Первой шагаю на лестницу и вытягиваю в сторону руку, касаясь пальцами гладкой стены. Ники заходит следом и закрывает дверь, погружая окружающее пространство в темноту. Слышу скрежет ключа за спиной, после чего мой спутник чем-то шуршит, а в следующую секунду на ступени у меня под ногами бьет луч света. Ники обходит меня и первым начинает спуск, иду следом, внимательно глядя себе под ноги.

Внутри по какой-то необъяснимой причине разгорается волнение. Что-то подсказывает мне, что в том месте, куда мы направляемся, папы нет и в помине. Остается молча продолжать путь, хотя я едва сдерживаюсь, чтобы не начать сыпать вопросами. А у меня их великое множество.

Лестница оказывается такой же бесконечной, как и лабиринты комнат наверху. На спуск уходит не меньше трех минут, и к концу пути я уже начинаю терять терпение. Но наконец впереди показывается небольшая квадратная площадка, которая заканчивается крепкой с виду дверью. Ники останавливается перед ней и стучит сначала три раза быстро, потом два с перерывом. Хмуро смотрю на стальную поверхность, поблескивающую в свете фонарика.

Проходит секунд пятнадцать, прежде чем слышится звук отпираемого замка, а после дверь распахивается. На меня смотрит еще одно знакомое лицо. Ники сторонится, пропуская меня вперед. Захожу в просторное помещение, которое оказывается освещено несколькими

большими фонариками, разложенными по углам. Здесь, в отличие от комнат наверху, есть мебель. Слева полностью оборудованный кухонный уголок, стол и стулья вокруг. Спинкой к кухне расположен диван, у стены напротив стоит точно такой же. Справа от входа высокий стеллаж с книгами, а рядом объемное уютное кресло и журнальный столик. Прямо напротив входа еще одна дверь, она закрыта.

Замираю неподалеку от входа, скидываю на пол чудом не слетевший при стычке с Ники рюкзак и внимательно осматриваюсь. В помещении, кроме меня и Ники, шесть человек. Уже знакомые мне мужчины – Чарли, Джонни и Соьер. Все трое были в моем мире вместе с Картером и Ники. Именно Чарли является тем, кто утащил в портал Джорджию Купер.

Помимо них в подвале находятся три девушки. В кресле справа в расслабленной позе сидит длинноногая блондинка с волосами, собранными в короткий хвост на затылке. Голубые глаза с интересом оглядывают меня, а длинные пальцы с коротко подстриженными ногтями любовно поглаживают рукоятку и ножны лежащей на ее коленях катаны. На диване, что стоит лицом ко мне, расположились две брюнетки, но это их единственное сходство. У одной настолько короткие волосы, что их почти не видно. Глаза темные, а выражение лица совершенно нечитаемое. Вторая смотрит с улыбкой, но не на меня – на Ники. На меня ей будто вообще плевать. Ее длинные волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, а ноги в тяжелых ботинках вытянуты и скрещены в лодыжках. Все люди в комнате, включая меня, одеты примерно одинаково и при оружии, но я все равно ощущаю себя лишней.

Каждый из присутствующих внимательно оглядывает меня с ног до головы, и мне становится неуютно под их пристальными взглядами. Но ни один из парней или девушек не выглядит удивленным моим появлением, будто все они только и делали, что ждали, когда мы с Ники придем сюда. А это, мягко говоря, странно.

– Эмили, ты голодна? – нарушает тишину Соьер.

Поворачиваюсь к нему, удивленная таким вопросом. Отрицательно качаю головой. Я перекусила, пока шла в сторону города, и пусть съела безбожно мало, ведь еда до сих пор не лезет в глотку, пока мне этого достаточно.

– У вас есть вода?

Он кивает и отходит в сторону кухни. Чтобы не стоять столбом на пороге, уверенным шагом, стараясь не показывать разыгравшегося волнения, иду туда же. Чувствую на себе внимание всех собравшихся, но делаю вид, что меня это не волнует.

Соьер достает из шкафчика бутылку с водой и передает мне. С благодарной улыбкой принимаю ее, открываю и утоляю жажду. Пока пью, с изумлением отмечаю, что совершенно не испытываю злости на мужчин в помещении, да и гнев на Ники порядком утих. Наконец закручиваю крышку, ставлю бутылку на столешницу и разворачиваюсь, с удивлением замечая, что на меня продолжают смотреть абсолютно все. Даже безразличные, казалось, брюнетки, будто сговорившись, обернулись на своем диване.

– Что с тобой случилось? – спрашивает Ники, кивая на мою ногу, так и обмотанную пленкой.

Быстро смотрю туда же и пожимаю плечами. Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать свои приключения. У меня была и есть конкретная цель.

– Где мой отец? – спрашиваю я, глядя в глаза собеседнику.

Ники вздыхает и мельком улыбается с какой-то странной печалью, от которой у меня щемит сердце.

– Его здесь нет, – в конце концов отвечает он.

Раздраженно дергаю подбородком.

– Это я уже поняла, – говорю как можно холоднее. – Отведи меня к нему, или расскажи, где искать, и я пойду одна.

Коротко стриженная брюнетка фыркает, и я медленно перевожу на нее взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.